

Житие протопопа Аввакума

Опыт перевода на современный русский язык

Настоящая электронная публикация представляет текст «опыта перевода» Жития протопопа Аввакума с древнерусского на современный русский язык, что сделано впервые за всю историю существования памятника, и комментарии к нему (в некотором сокращении – *публикатор*), изданные* Натальей Владимировной Понырко, заведующей Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Основой для этого «опыта перевода» является последняя авторская редакция Жития – автограф Аввакума, сохранившийся в составе так называемого Пустозёрского сборника (1674-1675 гг.), принадлежавшего И. Н. Заволоко (ныне храниться в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН, Древлехранилище, ОП, оп. 24, №43).

Отмеченные звёздочкой (*) здесь и далее ссылки – именно на это интереснейшее издание:

Наталья Владимировна Понырко

Три жития – три жизни

Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова

Тексты, статьи, комментарии

Издательство «Пушкинский Дом», Санкт-Петербург, 2010

Автографы-иллюстрации взяты из другого издания:

Пустозерский сборник:

Автографы сочинений Аввакума и Епифания

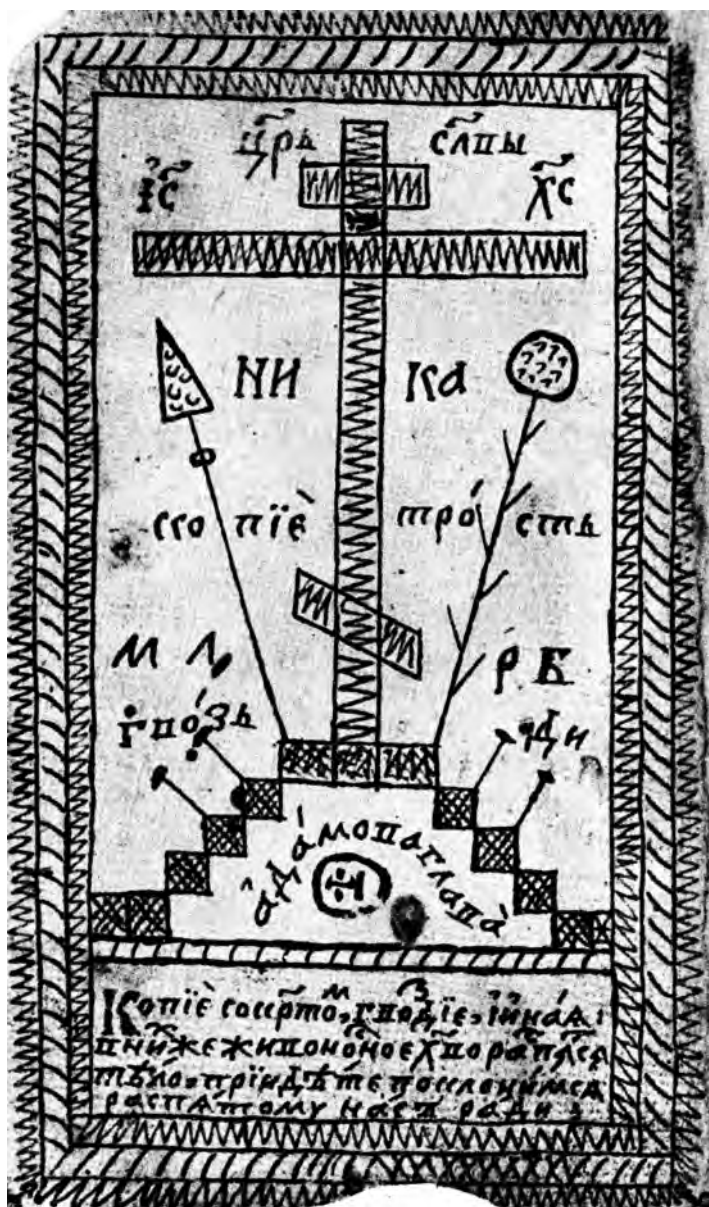
Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова;
под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева.

Издательство «Наука», Ленинград, 1975

На обложке воспроизведена икона «Священномученик Аввакум»
(нач. XX века. Гуслицы. Из собр. Русского музея, ДРЖ Б-656)

Крѣпѣ пѣсѣмъ переселені
е: крѣпѣ пѣсѣмъ испраде
ніе: страстѣ оумерщлені
ніе: зплоти пригнѣденіе
крѣпѣ дѣла слава: испѣ
пѣ, пѣчунь, аминь;

Многострадальный,
зюзникъ темнищон: то
ремыа, нужетѣрпеца
испопѣдникъ хрѣстоу
сщенно протопопѣ, а
пѣаку: понужѣ вы
сть, житіе свое на
писати: бжемъ ето,
дѣла: нощю епидѣ
ніемъ, дана за вѣ
ніе, предано судѣ
дѣло вѣб, аминь.

Житие протопопа Аввакума

Опыт перевода на современный русский язык

РЕСТ — всем воскресение, крест — падшим исправление, страстем умерщвление и плоти пригвождение; крест — душам слава и свет вечный.^{1*} Аминь.

Многострадальный узник темничный, горемыка, нуждестерпец, исповедник Христов священнопротопоп Аввакум понужден был житие свое написать отцом его духовным иноком Епифанием, дабы забвенью не было предано дело Божие. Аминь.^{2*}

1. Тропарь 6-й песни канона Честному и животворящему кресту (см. Канонник).

2. Вступительные строки к Житию Аввакума (от начала и до этих слов включительно) писаны рукой инокa Епифания.

Всесвятая Троица, Боже, Создатель всего мира, помоги и направь сердце мое начать с разумом и кончить делами благими то, о чем ныне хочу я глаголать, недостойный. Разумея же свое невежество, припадая к твоим ногам, молюсь тебе, у тебя помощи прося: Господи, направь ум мой и укрепи сердце мое не о красноречии печься, но приготовить себя к творению добрых дел, о которых глаголю, чтобы, просвещенный добрыми делами, встал я на Судище справа от тебя, причтенный со всеми избранными твоими.

И ныне, Владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю^{3*} Дионисия Ареопагита о Божественных именах,^{4*} что есть тебе, Богу, присно сущие имена —

3. Аввакум использует здесь, чуть перефразируя отдельные места, «Молитву св. Троице, начиная Псалтырь», которая включалась в современные ему издания Псалтыри с исследованием.

4. Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла (см. Деян. 17:34), по преданию, первый епископ Афин, скончался мученической смертью. Существует четыре богословских трактата: «О небесном священноначалии», «О Божественных именах», «О церковном священноначалии», «О таинственном богословии» и десять писем к различным лицам, надписанных его именем, — сочинения, составившие основу христианского богословия и философии. По мнению исследователей, автор этих сочинений жил на рубеже V–VI вв., и потому в научной литературе он именуется Псевдо-Дионисием Ареопагитом. Церковный авторитет Ареопагитик был чрезвычайно велик. Аввакум ссылается здесь на трактат «О Божественных именах», который хорошо знали на Руси: в середине XVI в. творения Дионисия Ареопагита были включены в состав Великих Миней Четьих под 3 октября, днем памяти Дионисия, рядом со сказаниями о его житии (см.: Великие Минеи Четии всероссийского митрополита

истинные, или свойственные, и что есть причинные, то есть похвальные.

Сии суть истинные: Сущий, Свет, Истина, Жизнь. Свойственных только четыре. А причинных много, они суть сии: Господь, Вседержитель, Непостижимый, Непрístupный, Трисиянный, Триипостасный, Царь Славы, Неудержимый огонь, Дух, Бог, и прочая.

Посему разумей того же Дионисия об истине: «Ибо от истины отпадение есть от себя отвержение, ведь истина есть сущее. Если истина есть сущее, то отпадение от истины есть отвержение от сущего. От сущего же Бог отпасть не может, и не может быть, чтобы ему не быть».^{5*}

Мы же говорим: потеряли новолюбцы существо Божие отпадением от истинного Господа — Святого и Животворящего Духа. По Дионисию, коль уж от истины отпали, тут и от Сущего отверглись. Бог же от существа своего отпасть не может, и того, чтобы не быть, того в нем нет, присносущен истинный Бог наш. Лучше б им в Символе веры не произносить «Господа», причинного имени, нежели «истинного» отсекаль, в котором существо Божие содержится. Мы же, правоверные, оба имени исповедуем — и в *Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго*, света нашего, веруем, *со Отцом и с Сыном споклоняемого*,^{6*} за которого страждем и умираем, с помощью его

Макария).

5. Цитата из книги «О Божественных именах».

6. Здесь Аввакум имеет в виду исключение в ходе никонианской правки слова «истиннаго» из текста восьмого члена Символа веры («...И в Духа Святаго,

владычною.

Тешит нас тот же Дионисий Ареопагит, в книге его написано: «Сей есть воистину истинный христианин, ибо истинно уразумев Христа и тем богопознание стяжав, отказался от себя и не пребывает в мирских привычках и соблазнах, но остается в трезвении и отказе от всякого прельстительного неверия, не только до самой смерти терпит беды ради истины, но и в безвестности всегда умирает, в разуме же живет; таковые суть подлинные христиане». ^{7*}

Сей Дионисий, наученный вере Христовой от Павла апостола, жил в Афинах и прежде чем прийти в веру Христову, владел искусством вычислять движение светил. ^{8*} Когда же уверовал в Христа, все сие почел за грязь. Пишет он к Тимофею ^{9*} в книге своей, так глаголя: «Дитя, или не

Господа истинного и животворящего...»).

7. Цитата из толкований Максима Исповедника (VII в.) на книгу «О Божественных именах».

8. Подробности о событиях жизни Дионисия Ареопагита содержатся в его трактатах и посланиях, а также в присоединенных к ним толкованиях раннехристианского философа и богослова Максима Исповедника (582–662). Славянской книжности, кроме того, известен целый ряд самостоятельных литературных памятников, посвященных житию Дионисия Ареопагита; часть их вошла в Великие Минеи Чети. Упоминаемые Аввакумом сведения имеют больше всего сходства с «Житием св. Дионисия Ареопагита и дружины его», включавшим в русские рукописные Прологи, но не вошедшим в Великие Минеи Чети.

9. Тимофею адресованы все четыре трактата Дионисия Ареопагита.

разумеешь, что все это внешнее пустословие есть ничто, один лишь соблазн, тлен и пагуба. Я испытал на себе и ничего не приобрел, кроме тщеты». Чтущий да разумеет.

Вычислять ход светил любят погибающие, понеже *«любви истинной не прияли, во еже спастись им, и сего ради пошлет им Бог действо лъсти, во еже веровати им лжи, да Суд примут не веровавшие истине, но благоволившие о неправде»*.^{10*} Читай о сем Апостол, (зачало) 275.

Сей Дионисий, еще не придя к вере Христовой, будучи вместе с учеником своим во время распятия Господня в Солнечном-граде, видел: солнце тьмою закрылось, а луна — кровью, звезды посреди дня явились на небесах, черные видом.^{11*} Он же сказал ученику: «Или пришла кончина света, или Бог Слово плотию страждет», понеже увидел Божие творение необычно изменившимся и посему был в недоумении.

Тот же Дионисий пишет о солнечном знамении во время затмения: «Есть на небесах пять звезд блуждающих, что именуются лунами. Сии луны Бог учредил не в преде-

10. См.: 2 Солун. 2:10–12 (зачало 275). Аввакум здесь ссылается на литургическую систему деления текста богослужебной книги Апостол на так называемые зачала, фрагменты, предназначенные для чтения за богослужением в определенные дни церковного года.

11. В письме Дионисия Ареопагита к Поликарпу описывается чудесное затмение солнца, которое Дионисий наблюдал вместе со своим учеником Аполлофаном в египетском городе Гелиополе (Солнечном граде, по славянскому переводу), и дается понять, что это было то затмение, которое происходило во время крестных мучений Христа.

лах, как прочие звезды, но текут они по всему небу, предзнаменования творя либо гнева, либо милости (Божией). Когда блуждающая луна подтечет с запада под солнце и закроет свет солнечный, то такое затмение солнца за гнев Божий на людей бывает. Когда же бывает, что с востока луна подтекает, тогда она как положено^{12*} шествие свое творит, и ее закрывает солнце».

А в нашей России было затмение солнцу в 162 (1654) году, перед мором.^{13*} Плыл Волгою-рекою архиепископ Симеон Сибирский,^{14*} и в полдень тьма сделалась, перед

12. Этот текст не найден в творениях Дионисия Ареопагита.

13. Солнечное затмение, о котором пишет здесь Аввакум, случилось 2 августа 1654 (от сотворения мира — 7162) года, во время страшной эпидемии чумы. Аввакум ошибочно сообщает ниже, что это произошло «недели за две» до Петрова дня (29 июня), в то время как в действительности затмение состоялось за две недели перед другим праздником — днем Успения Богородицы (15 августа). Этого затмения Аввакум, находившийся летом 1654 г. в сибирской ссылке (см. примеч. 67* и 68*), сам наблюдать не мог, так как Тобольск, место его тогдашнего пребывания, не входил в зону видимости затмения 2 августа 1654 г.; потому Аввакум и ссылается тут на архиепископа Симеона Сибирского, отлучавшегося как раз в 1654 г. из Тобольска в Москву (см. примеч. 68*), что тот на пути своем в столицу был свидетелем этого затмения и, вернувшись в Тобольск, конечно же, рассказывал о нем своему окружению; отсюда и хронологическая неточность в сообщении Аввакума.

14. Архиепископ Тобольский и Сибирский Симеон являлся постриженником Макариева Желтоводского монастыря и, вполне вероятно, был знакомцем Аввакума еще по нижегородскому периоду его жизни. До 1651 г. он был игуменом Пафнутьева Боровского монастыря, а в 1651 г. его хиротонисали в Сибирского епископа. Очень вероятно, что Симеон входил в кружок ревнителей благочестия. Во время своей сибирской ссылки Аввакум находился в непосред-

Петровым днем недели за две; часа с три, плачучи, у берега стояли. Солнце померкло, с запада луна подтекала, явил Бог гнев свой людям. В то время Никон-отступник веру искажал и законы церковные, и сего ради Бог излил фиал гнева своего и ярости на Русскую землю: зело мор велик был, некогда еще забыть, все помним. Потом еще годов через четырнадцать в другой раз затмение солнцу было в Петров пост: в пятницу, в шестом часу, тьма сделалась, солнце померкло, тоже луна с запада подтекала, гнев Божий являя, — протопопа Аввакума, бедного горемыку, в то время власти вместе с другими в соборной церкви остригли^{15*} и в темницу на Угреше,^{16*} проклявши, бросили.

Верный да разумеет, что делается в земле нашей за нестроение церковное и разорение веры и закона. Говорить о том перестанем, в день (скончания) века познано будет всеми, потерпим до тех пор.

Тот же Дионисий пишет о солнечном знамении, как

ственным подчинении Симеону по линии церковного управления; в Тобольске Симеон оказывал прямую поддержку Аввакуму и защищал его от нападков врагов. Но Симеон участвовал в церковном соборе 1654 г., утвердившем Никонову реформу; с 1664 по 1667 г. он занимал должность старшего справщика церковных книг на Московском печатном дворе. Последние годы жизни Симеон провел на покое в Макарьевском Желтоводском монастыре, умер же в Москве, в Чудовом монастыре, не известно точно, в котором году, но после 1675-го.

15. Это солнечное затмение случилось 22 июня 1666 г.; незадолго перед ним, 13 мая 1666 г., Аввакума расстригли и предали анафеме.

16. Речь идет о Никольском Угрешском монастыре, находившемся поблизости от Москвы, на левом берегу Москвы-реки при впадении в нее р. Угрешы; основан во 2-й пол. XIV в. Дмитрием Донским.

было при Иисусе Навине в Израиле, когда Иисус поражал иноплеменников и было солнце над Гаваоном, что значит в зените: встал Иисус крестообразно, сиречь распростер руки свои, и остановилось солнечное течение, покуда не погубил он врагов. Возвратилось солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и снова потекло; и стало во дни том и в ночи тридцать четыре часа. Понеже в десятый час назад отбежало, так в сутках десять часов и прибыло. И при Езекии-царе было знамение: оттекло солнце назад в двенадцатый час дня, и стало во дни и в ночи тридцать шесть часов.^{17*} Читай книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь.

Тот же Дионисий пишет о небесных силах, возвещая о том, как хвалу приносят Богу девять чинов (ангельских), разделяясь на три троицы.^{18*} Престолы, херувимы и серафимы, освящение от Бога приемля, так восклицают: «Благословенна слава от места Господня!» И чрез них нисходит освящение на вторую троицу: господства, начала, власти. Сия троица, славословя Бога, восклицают: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» По алфавиту: «аль» — Отцу, «иль» — Сыну, «уйя» — Духу Святому. Григорий Нисский толкует: «Аллилуйя — хвала Богу». А Василий Великий пишет:

17. Аввакум толкует здесь послание Дионисия Ареопагита к Аполлофанию (и комментарии к этому посланию, сделанные Максимом Исповедником), в котором обсуждались события, изложенные в Книге Иисуса Навина (10:12–13) и 4-й Книге Царств (20: 8–11).

18. Ангельским чином посвящен трактат Дионисия Ареопагита «О небесном священноначалии».

«Аллилуйя — ангельская речь, по-человечески сказать: слава тебе, Боже».^{19*} До Василия пели в Церкви ангельские слова: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» Когда же был Василий, то повелел он петь дважды ангельские слова, а в третий раз — человеческие, таковым образом: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» у святых согласно, у Дионисия и у Василия: трижды воспевая, с ангелами славим Бога, а не четырежды, по римской ереси. Мерзко Богу такое четырехкратное воспевание: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже». Да будет проклят так поющий, с Никоном и с костелом римским!

Снова к прежнему возвратимся. Третья троица: силы, архангелы, ангелы, — чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: *«Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его!»*.^{20*} Смотри: троекратно и это воспевание. Подробно пречистая Богородица протолковала об аллилуйи, явилась Василию, ученику Ефросина Псковского.^{21*} Велика в «аллилуйи» хвала Богу, а от зломудрствующ-

19. Григорий Нисский — византийский богослов, учитель Церкви (ок. 335 — ок. 394); Василий Великий — старший брат Григория Нисского, вселенский отец и учитель Церкви (330–379). Такое толкование возгласа «аллилуйя» со ссылкой на Григория Нисского приводилось в Азбуковниках, составленных в XVII в.

20. Ангельская песнь, которую слышал пророк Исайя, когда ему открылось видение престола славы Божией (Ис. 6:3); Аввакум приводит ее в варианте чинопоследования литургии.

21. Основатель Псковского Елеазарова монастыря Евфросин (ум. в 1481 г.) прославился как защитник сугубой аллилуйи (т. е. двукратного произнесения возгласа «аллилуйя» при богослужении) в пору, когда в псковско-новгородских землях велись споры о трегубой и сугубой аллилуйи. Аввакум ссылается здесь

щих — досаждение великое: по-римски они Троицу святую как четверицу провозглашают, Духу и от Сына исхождение являют.^{22*} Исполнено зла и проклято измышление это Богом и святыми! Правоверных избави, Боже, сего начина злого о Христе Исусе, Господе нашем, которому слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий сказал: *«Кто хочет спастись, прежде всего подобает тому держаться кафолической веры, которую кто целой и непорочной не соблюдет, тот, безо всякого сомнения, навеки погибнет. Вера же православная такова есть: чтобы единого Бога в Троице и Троицу в единице мы почитали, не сливая лица, ни существо разделяя. Ибо одно лицо Отца, другое — Сына, третье — Святого Духа. Но Отчее, и Сыновнее, и Святого Духа едино Божество, равна слава, соприсносушно величие. Каков Отец, таков Сын,*

на рассказ из Жития Евфросина Псковского, в котором подробно излагалась история споров Евфросина с псковичами об аллилуйи и доказывалась правильность двоения аллилуйи. Не известный по имени ученик Евфросина, написавший вскоре после кончины преподобного Первоначальную редакцию его Жития, рассказал в нем о явлении Богородицы, подтвердившей правильность сугубой аллилуйи; в 1547 г. псковский агиограф Василий-Варлаам, автор целого ряда Житий русских подвижников, литературно обработал первоначальное Житие; в обработке Василия Житие Евфросина Псковского было включено в Великие Минеи Чети (под 15 мая). На Житие Евфросина Псковского опирался Стоглавый собор 1551 г., утвердивший постановление двоить аллилуйю. Аввакуму, как видно из его ссылки на Василия, Житие Евфросина Псковского было известно в редакции Василия-Варлаама.

22. Здесь Аввакум имеет в виду догмат католической церкви об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына.

таков и Дух Святой». Вечен Отец, вечен Сын, вечен и Дух Святой. Не создан Отец, не создан Сын, не создан и Дух Святой. Бог — Отец, Бог — Сын, Бог — и Дух Святой. Не три Бога, но один Бог, не три Несозданные, но один Несозданный. Равно: Вседержитель — Отец, Вседержитель — Сын, Вседержитель — и Дух Святой. Подобно: Непостижим Отец, Непостижим Сын, Непостижим и Дух Святой. Не три Вседержителя, но один Вседержитель, один Непостижимый. «И в сей святой Троице ничто не первое или последнее, ничто не большее или меньшее, но едины три лица и суть соприисущны себе и равны».^{23} «Отдельно есть: Отцу — нерождение, Сыну же — рождение, а Духу Святому — исхождение; обще же им — Божество и Царство».^{24*}*

Нужно побеседовать и о вочеловечении Бога Слова для вашего спасения. По благодати щедрот излил себя от Отческих недр Сын, Слово Божие, в Деву, чистую богоотроковицу, когда время настало, и воплотился от Духа Свята и Марии Девы вочеловечился, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и сел одесную Величества на высоте, и снова придет судить и воздать каждому по делам его, его же Царствию несть конца.

И сей промысл Божий был прежде, чем создан был Адам; прежде, чем был он сотворен по образу Божию. Сказал Отец Сыну: «Сотворим человека по образу нашему

23. Аввакум цитирует здесь «Исповедание веры Афанасия Александрийского».

24. Цитата из «Изложения вкратце о вере» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского.

и по подобию». И отвечал другой: «Сотворим, Отче, и он преступит». И еще сказал: «О, единородный мой! О, Свет мой! О, Сын и Слово! О, Сияние славы моей! Если ты печешься о создании своем, подобает тебе облечься в тленного человека, подобает тебе по земле ходить, апостолов воспринять, пострадать и все исполнить». И отвечал другой: «Буди, Отче, воля твоя!» Потом создан был Адам, и прочее. Если хочешь подробно знать, читай «Маргарит», «Слово о вочеловечении»,^{25*} там обрящешь. Я кратко помянул, Божий промысл показывая. Так всякий верующий в него не посрамится, а не верующий осужден будет и навеки погибнет, по вышепомянутому Афанасию.

Так я, протопоп Аввакум, верую, так исповедую, с тем живу и умираю.

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудьюмою рекою, в селе Григорове.^{26*} Отец мой был священник Петр,^{27*} мать — Мария, во инокинях Марфа. Отец мой при-

25. Аввакум имеет в виду Слово из сборника Поучений Иоанна Златоуста под названием «Маргарит».

26. Село Григорово и поныне существует в Больпемурашкинском районе Нижегородской области. Год рождения Аввакума устанавливается из сопоставления его собственного свидетельства о том, что в возрасте 31 года от роду его поставили в протопопы Юрьевца-Поволжского и что прожил он в Юрьевце после этого всего восемь недель, с известиями о том, что он покинул Юрьевец и приехал в Москву в 1652 г. Следовательно, раз в 1652 г. ему был 31 год, Аввакум родился в 1620 или 1621 г.

27. Возможно, отец Аввакума обосновался в Григорове незадолго до 1620 г., так как в этом же самом году, как следует из Писцовых книг 1620-х гг. по Нижн-

лежал к питию хмельному, мать же моя была постница и молитвенница, всегда учила меня страху Божию. Я же, увидав однажды у соседа умершую скотину, в ту ночь, поднявшись, долго плакал пред образом о душе своей, помышляя о смерти, что и я умру, и с тех пор привык каждую ночь молиться.

Потом мать моя овдовела, а я осиротел рано, и от своей родни были в изгнании.

Изволила мать меня женить. Я же пресвятой Богородице молился, чтобы дала мне жену — помощницу к спасению. И в том же селе девица, тоже сиротина, беспрестанно в церковь ходила, имя ей Анастасия.^{28*} Отец ее был кузнец, именем Марко, богат гораздо, а когда умер, после него все перевелось. И она в бедности жила и молилась Богу, чтобы сочетаться ей со мной браком. Так и стало по воле Божией.

Потом мать моя отошла к Богу в подвижничестве великом. Я же из своего изгнания переселился в иное место.^{29*}

ему Новгороду, здесь находился и другой священник, Артамон Иванов. Григоровская церковь была посвящена святым Борису и Глебу.

28. В Прянишниковской редакции Жития сохранились дополнительные сведения о Настасье Марковне: «Мати же изволила меня женить семнадцати лет, жену мне привела четырнадцати лет». Отсюда вычисляется дата рождения Анастасии Марковны — 1624 г. Скончалась же она в 1710 г. в Москве, как показал на допросе 1717 г. сын ее Иван, пережив своего мужа на 28 лет, пройдя вместе с ним все выпавшие на их долю испытания.

29. Аввакум переселился в соседнее с Григоровым село Лопатищи, где и проживал до тех пор, пока не был поставлен в протопопы Юрьевца-Поволжского.

Рукоположен во дьяконы двадцати лет с годом и спустя два года в попы поставлен; пробыв в попах восемь лет, потом произведен был в протопопы православными епископами^{30*} тому двадцать лет минуло, и всего тридцать лет, как священство имею, а от рождения на шестой десяток идет.

Когда я в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, по сие время сот с пять или шесть будет. Без отдыха я, грешный, подвизался в церквах, и домах, и на площадях, по городам и селам, да еще и в царствующем граде, и в стороне Сибирской, проповедуя и уча слову Божию, лет с двадцать пять тому будет.

А когда еще был я в попах, пришла ко мне исповедаться девица, многими грехами обремененная, во всяком блуде и разврате повинная, и начала мне, плачась, подробно возвещать в церкви, пред Евангелием стоя. Я же, треокаянный врач, слушавший ее, сам разболелся, изнутри распаляем огнем блудным.

И горько мне стало в тот час. Зажег три свечи и прилепил к аналою, и возложил правую руку на пламя, и до тех пор держал, покуда во мне не угасло злое разжжение.

И отпустив девицу, сложив с себя ризы, помолясь, пошел в дом свой зело скорбен; время же близко полуночи. И придя в свою избу, стал я плакать пред образом Господним, так что и очи опухли, и молиться прилежно, чтобы отлучил меня Бог от детей духовных, понеже бремя

30. Следовательно, в дьяконы Аввакум был поставлен в 1642 г., рукоположен в священники – в 1644 г., возведен в протопопы – в 1652 г.

тяжко, не могу носить. Пал я на землю, и рыдал горько, и забылся лежа.

Не знаю как, плачу, а очи сердечные у реки Волги. Вижу: плывут стройно два корабля золотых, и весла на них златы, и шесты златы, и все золотое. По одному кормщику на них сидят. И я спросил: «Чьи корабли?» И они отвечали: «Лукин и Лаврентиев», — сии были мне духовные дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодно. А после этого вижу третий корабль, не златом украшен, но разными красотами испещрен, красно, и бело, и сине, и черно, и пестро, ум человеческий не вместит такой красоты и лепоты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит (корабль) ко мне из-за Волги, как проглотить меня хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидящий на нем отвечал: «Твой корабль. На, плавай на нем, коли докучаешь, с женою и с детьми». Я в трепете сел и размышляю, что это за корабль и что это будет за плавание.

И вот по недолгом времени, как писано, *«объяша меня болезни смертные, беды адовы обыдоша мя, скорбь и болезнь обретох»*.^{31*} у вдовы начальник отнял дочь. И я молил его, чтобы сиротину возвратил к матери. А он, презрев моление наше, воздвиг на меня бурю, и у церкви, придя толпою, до смерти меня задавили. И я лежал в забытии полчася и больше и снова ожил Божиим мановением. Он же, устращась, отступился от девицы. Потом научил его дьявол: придя в церковь, бил и волочил меня за ноги по земле

31. Пс. 114:3.

в ризах. А я молитву говорю в то время.

Потом иной начальник в иное время на меня рассвирепел: прибежав ко мне в дом, бил меня и на руке, как пес, покусал персты; когда же наполнилась гортань его крови, тогда выпустил из зубов своих мою руку и, меня оставив, пошел в дом свой. Я же, поблагодарив Бога, завертев руку тряпкой, пошел к вечерне. И по дороге он же наскочил на меня снова с двумя пистолями и выстрелил из пистолы. И Божиим мановением на полке порох пыхнул, а пистоль не выстрелила. Он же бросил ее на землю и из другой выстрелил снова. Божия же воля так же учинила: и та пистоль не выстрелила. Я же прилежно, идучи, молюсь Богу, осенил его больною рукой и поклонился ему. Он меня лает, а я ему говорю: «Благодать во устах твоих, Иван Родионович, да будет».

После того дом у меня он отнял, а меня выгнал, всего ограбив, и на дорогу хлеба не дал. А в то время родился сын мой Прокопий, что ныне сидит с матерью и с братом в земле закопан.^{32*} И я, взяв клюку, а мать — некрещеного младенца, пошли с братьями и домочадцами, куда Бог наставит, а сами, пойдя, запели божественные песни, евангельскую стихеру, большим роспевом: *«На гору учеником идущим за земное Вознесение, предста Господь, и поклони-*

32. Второй сын Аввакума Прокопий родился в 1647 г. (о возрасте своих детей Аввакум давал показания на допросе после ареста в августе 1653 г., см. примеч. 67*). о том, что Настасья Марковна вместе со старшими сыновьями, Иваном и Прокопием, была посажена после 1670 г. в земляную тюрьму на Мезени, Аввакум еще не раз упомянет в Житии.

шася ему»,^{33*} — всю до конца, а перед нами образа несли. Певцов в дому моем было много, — поя, со слезами на небо взираем. А провожающие жители того места, мужи и жены и дети, множество народа, рыдая и сокрушая мое сердце, далече нас провожали в поле. Я же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, поучение прочтя и благословя, насилу домой их воротил; а мы с домашними дальше побрели и в пути Прокопья крестили, как евнуха Филипп древле.^{34*}

Когда же прибрел я в Москву к духовнику цареву протопопу Стефану^{35*} и к другому протопопу, к Неронову Ива-

33. Начало евангельской стихеры 1-го гласа (см. Октоих).

34. Аввакум имеет здесь в виду рассказ о крещении в пути апостолом Филиппом евнуха-эфиопа (Деян. 8:27–38).

35. Стефан Вонифатьев, протопоп Кремлевского Благовещенского собора (с 1645 по 1656 г.) и духовник царя Алексея Михайловича, был главой кружка ревнителей благочестия, образовавшегося при молодом царе Алексее; представители этого кружка были инициаторами оживления и возрождения церковной жизни в стране в это время, призывали к активизации пастырской деятельности духовенства, боролись с простонародными видами увеселений, видя в них проявление пережитков язычества. Кажется, Стефан Вонифатьев некоторое время был духовным отцом Аввакума; это можно предположить из рассказанного Аввакумом эпизода о том, как он был наказан за то, что променял на лошадь книгу, которой благословил его Стефан Вонифатьев. Начиная рассказывать этот эпизод, Аввакум написал о себе: «Зглупаль, отца своего заповѣдь преступил», а заканчивая рассказ, он подытожил: «Таково-то зло преступление заповѣди *отеческой!*»; при этом важно отметить, что в более ранней редакции Жития, зафиксированной в Пустозерском сборнике В. Г. Дружинина, в комментируемой нами фразе Стефан Вонифатьев назван просто духовником («Егда же аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану...»), то есть, по контексту,

ну,^{36*} они обо мне царя известили, и с тех пор государь меня знать стал.

Отцы же с грамотою снова послали меня на старое место. Я притащился — ан и стены разорены моего дома. И я снова пообзавелся, а дьявол снова воздвиг бурю. Пришли в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле один у многих, и медведей двух огромных отнял — одного зашиб, и он снова ожил, а другого отпустил в поле. И за сие меня боярин Василий Петрович Шереметев, едуци в Казань на воеводство в судне, бранил много, и велел благословить сына своего бритобрадца,^{37*} я

духовником Аввакума. Если это так, понятно, почему именно к Стефану Вонифатьеву, а не к кому-либо другому, бросился молодой Аввакум за помощью.

36. Протопоп Московского Казанского собора (с 1646 или 1647 г.) Иван Неронов был другим влиятельнейшим членом кружка ревнителей благочестия. Собор, где он настоятельствовал, сделался центром боголюбческого движения в Москве, по нему ревнителей благочестия даже называли в то время «казанцами». Здесь воплощались замыслы боголюбцев: впервые в Москве было введено единоголасное пение, расцветала публичная проповедь (слушать поучения Ивана Неронова стекалось множество народа, часто присутствовали на службах царь Алексей Михайлович с царицей). Иван Неронов был выходцем из нижегородских земель и еще в Нижнем Новгороде прославился своей ревностью по благочестии; он покровительствовал молодому Аввакуму, своему земляку, на каком-то этапе его жизни стал его духовным отцом (возможно, прежде Стефана Вонифатьева).

37. Боярин В. П. Шереметев с 1634 по 1639 г. был воеводой в Нижнем Новгороде. Назначение на воеводство в Казань он получил летом 1647 г., а выехал туда 8 августа водным путем; следовательно, мимо Лопатищ он проезжал, скорее всего, в сентябре 1647 г. Имя сына В. П. Шереметева, сопровождавшего его по

же не благословил, видя его развратный образ. И он меня велел в Волгу кинуть; и, изругав, столкнули меня с судна.

Потом другой начальник, на меня рассвирепев, приехал с людьми ко двору моему и, идя как на приступ, стрелял из луков и из пищалей. А я в то время, запершись, молился Владыке: «Господи, укроти его и усмири, какими знаешь судьбами!». И он побежал со двора, гоним Святым Духом.

Потом в туже ночь прибежали от него, зовут меня к нему со слезами: «Батюшка-государь, Евфимей Стефанович при кончине и кричит не своим голосом, бьет себя и охает, а сам говорит: „Дайте батьку Аввакума, за него меня Бог накажет!“» И я подумал — обманывают меня, ужаснулся дух мой во мне, и вот так помолил я Бога: «Ты, Господи, изведший меня из чрева матери моей, ты, от небытия в бытие меня приведший, если меня задушат, причти меня с митрополитом Филиппом Московским;^{38*} если же зарежут, ты, Господи, причти меня с Захариєю-пророком;^{39*} если же посадят в воду, то ты, Владыко, так

дороге в Казань, Аввакум назвал в более ранней редакции своего Жития («...велел благословить сына своего Матфея бритобратца»). Младший сын боярина Шереметева Матвей (бритобрадец — т. е. бривший бороду) был стольником царя Алексея Михайловича и одним из любимых его товарищей по охоте. Село Лопатищи в то время принадлежало старшему сыну В. П. Шереметева Петру.

38. Митрополит Филипп за смелые обличения жестокостей Ивана Грозного был сведен с митрополичьего престола и в 1569 г. по приказу царя задушен Малютой Скуратовым в Тверском Отроче монастыре.

39. Здесь не вполне ясно, кого из пророков имеет в виду Аввакум — пророка ли Захарию, сына Варахиина, именем которого названа одна из пророческих

же, как и Стефана Пермского,^{40*} снова освободишь меня!», — и, молясь, поехал в дом к тому Евфимию.

Когда же привезли меня на двор, выбежала жена его Неонила, ухватила меня под руку, а сама говорит: «Подитко, государь наш батюшко, подитко, свет наш кормилец!» А я на то: «Чудно! Давеча был блядин сын, а вдруг — батюшка миленький. Больно остра у Христа плеть-то, скоро повинился муж твой!»

Ввела меня в горницу — вскочил с перины Евфимей, пал пред ногами моими, вопит несказанно: «Прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!», а сам дрожит весь. И я ему в ответ: «Хочешь ли впредь здоров быть?» Он же, лежа, отвечает: «Ей, честный отче!» И я сказал: «Встань! Бог тебя простит». Он же, наказан гораздо, не мог сам встать. И я поднял его и положил на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и стал он здоров, так Христос изволил. И были они с женою мне дети духовные, изрядные рабы Христовы. Так-то *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.*^{41*}

книг Ветхого Завета, где сказано, что он был убит между церковью и алтарем (Мф. 23:35; Лк. 11:51), или Захарию, отца Иоанна Крестителя, пророчествовавшего о Господе Боге (Лк. 1:67–79): он, по рассказу его Жития, был заклан посреди жертвенника (см. его Житие под 5 сентября в Прологе и Великих Минеях Четиих).

40. Св. Стефану Пермскому, крестителю зырян (XIV в.), как рассказывает его Житие, пермский волхв предложил пойти на испытание веры водой в проруби, но Божьей помощью святой был избавлен от этого испытания.

41. Притч. 3:34; Иак. 4:6.

Вскоре другие снова прогнали меня с того места. Я же приволокся в Москву, и Божией волею государь велел меня поставить в Юрьевец Поволжский^{42*} в протопопы. И тут пожил немного — только восемь недель. Дьявол научил попов и мужиков с бабами: пришли к патриархову приказу, где я духовные дела делал, и, сообщая вытаскивая меня из приказа, — человек с тысячу и с полторы их было, — среди улицы били батожем и топтали. И бабы были с рогатинами, по грехам моим убили было запертво и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежал и, схватив меня, на лошади умчал в мое дворишко и пушкарей около двора поставил. Люди же ко двору приступают, и по городу крик великий. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!»

Я же, переведя дух, спустя три дня ночью, оставив жену и детей, ушел по Волге сам-третий в Москву. На Кострому прибежал — а и тут протопопа Даниила тоже изгнали.^{43*}

42. Волжский город на юге нынешней Ивановской области. Во время Смуты Юрьевец-Поволжский был одним из заметных центров народного сопротивления польско-литовской интервенции; в его окрестностях в 1609 г. местное народное ополчение давало бой войскам интервентов. В ознаменование победы над ними здесь был воздвигнут храм во имя преп. Макария Желтоводского и Унженского, покровителя нижегородского ополчения. Аввакума поставили протопопом в церковь, посвященную Входу Господню в Иерусалим, 23 марта 1652 г.: в документах 1652 и 1653 гг. он значится как «Юрьевца Повольского Входу-Иерусалимский протопоп».

43. О бунте костромичей, поднятом на соборного протопопа Даниила, сохранилось обширное «сыскное дело»; зафиксированные в нем свидетельства отно-

Ох, горе! Везде от дьявола житья нет!

Приехал в Москву, духовнику показался. И он на меня учинился печален: «На что-де церковь соборную покинул?» Опять мне другое горе! Потом царь пришел ночью к духовнику благословиться, меня увидал — тут опять кручина: «На что-де город покинул?» А жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцать, в Юрьевце остались, неведомо — живы, неведомо — прибиты. Тут снова горе!

Потом Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита.^{44*} А прежде его приезда Стефан духовник молил Бога, постясь седмицу с братией, — и я с ними тут же, — о патриархе, чтоб дал Бог пастыря для спасения душ наших.^{45*} Мы с митрополитом Корнилием Казанским,^{46*}

сят события к 28 августа 1652 г., следовательно, Аввакум, не заставший Даниила в Костроме, прибыл туда позже этого числа, скорее всего, в начале сентября 1652 г. Даниил, как и Аввакум, следовал программе кружка ревнителей благочестия; дьякон Феодор называл его в числе друзей Стефана Вонифатьева.

44. Мощи митрополита Филиппа, убитого по приказу царя Ивана Грозного, с 1591 г. находились в Соловецком монастыре, игуменом которого Филипп был до возведения в митрополиты. В 1652 г. состоялось торжественное перенесение мощей в Москву; царь Алексей Михайлович доверил эту миссию Никону, в ту пору Новгородскому митрополиту, который со свитой ездил за мощами на Соловки. В Москве раку с останками святого встречал царь и просил у митрополита Филиппа прощения «за согрешения прадеда».

45. Патриарх Иосиф скончался 15 апреля 1652 г., и русской церкви предстояло тогда избрание нового патриарха.

46. Корнилий Казанский (ум. в 1656 г.) в 1647–1648 гг. был игуменом Макариева Желтоводского монастыря, а значит, скорее всего, знакомцем Аввакума еще по нижегородскому периоду его жизни. Очевидно, он тоже принадлежал

написав челобитную^{47*} за собственными руками, подали ее царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не захотел сам и указал на Никона митрополита. Царь его и послушал. И пишет ему послание навстречу: «Преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому и всея Руси, радоваться», и прочее.

Когда же тот приехал, с нами — как лис: челом да здорово; ведает, что быть ему в патриархах, и чтоб откуда помешка какова не учинилась. Что о тех кознях и говорить! Царь его на патриаршество зовет, а он будто не хочет. Морочил царя и людей, а с Анною по ночам укладывают,^{48*} как чему быть; и, вдоволь наломавшись,

к кружку боголюбцев, окружавших царя в это время; во всяком случае, вместе со Стефаном Вонифатьевым он был вторым конфидендом, с которым царь обсуждал кандидатуру Никона как будущего патриарха (царь писал Никону на Соловки, ожидая его в Москве: «... а сего мужа (будущего патриарха. — *Н. П.*) три человека ведают: я, да Казанский митрополит (т. е. Корнилий. — *Н. П.*), да отец мой духовной (т. е. Стефан Вонифатьев. — *Н. П.*) <...> а сказывают свят муж».

47. Челобитная до нас не дошла; в своей Книге бесед Аввакум писал, что подавал челобитную о возведении Никона в патриархи («Протопоп же (т. е. Стефан Вонифатьев. — *Н. П.*) увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою рuku. Ано врага выпросили и беду на свою шею»).

48. Анна Михайловна Ртищева, по мужу Вельяминова, сестра влиятельнейшего царедворца, члена кружка ревнителей благочестия Федора Михайловича Ртищева (см. примеч. 127*), была активнейшей приверженкой Никоновой реформы и советницей самого Никона; с 1642 г. она, после смерти мужа, жила в доме брата Федора. Автор Жития боярыни Морозовой называл ее вместе с ее

с дьяволом, взошел на патриаршество, Божиим попущением, опутав царя своими кознями и клятвою лживою.

Как сделался патриархом, так нас и в Крестовую^{49*} не стал пускать. А тут и яд изрыгнул: в Пост великий прислал память^{50*} казанскому протопопу Ивану Неронову, — а мне он был отец духовный, я все у него и жил в церкви,^{51*} когда куда отлучится — ан я ведаю церковью. И место мне предлагали, на дворец ко Спасу,^{52*} да я не порадел, или Бог не изволил. Народу много приходило к Казанской, так мне

отцом Михаилом Алексеевичем Ртищевым «возлюбленными сосудами никоновыми».

49. Крестовой палатой назывались приемные покои в патриаршем дворце в Кремле.

50. Памятная записка Никона, посланная им в Казанский собор во время Великого поста 1653 г. (в том году он начинался 21 февраля), до нас не дошла. Ее содержание, как излагает его Аввакум, касалось тех же изменений церковных обрядов, о которых в это время Никон заявил через новоисправленное по его повелению издание Псалтыри с воследованием (время ее выхода в свет — 11 февраля 1653 г.), где по сравнению с предыдущими изданиями были изъяты статья о поклонах (число их при чтении покаянной молитвы Ефрема Сирина было уменьшено Никоном до четырех) и статья о двуперстном крестном знаменнии (его заменили на троеперстное).

51. Казанский собор, построенный в 1630 г. на Пожаре, нынешней Красной площади, где настоятельствовал Иван Неронов, имел придел во имя Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев; в соборе служила череда священников, в том числе и Аввакум. Жил Аввакум на дворе у Ивана Неронова; накануне ареста Аввакума здесь же находилась и Настасья Марковна с детьми.

52. Так Аввакум, очевидно, называет церковь Спаса Преображения на Бору, находившуюся при большом Кремлевском дворце.

любо — поучения читал беспрестанно. Лишь о братьях родных с духовником поговорил, и он их, (одного) — в Верху у царевны, а другого при себе жить устроил, попом в церкви.^{53*} А я сам, где люди соберутся, там слово Божие проповедал, да по духовникову благословению и Неронова Ивана тешил над книгами свою грешную душу о Христе Исусе. Так вот, Никон в Памяти пишет: год и число, «по преданию-де святых отцов и апостолов, не подобает метания творить на колена, но в пояс бы вам класть поклоны, еще же и тремя перстами бы крестились».

Мы, сошедшись с отцами, задумались: видим, что зима хочет быть, сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам скрылся в Чудов,^{54*} седмицу один в келье молился. И там ему от образа глас был во время молитвы: «Время пришло страдания, предстоит вам непрестанно страдати!» Он мне, плачучи, рассказал, потом и епископу Коломенскому Павлу, которого Никон напоследок в новгородских пределах огнем сжег;^{55*} потом Дании-

53. Аввакум имел трех братьев — Козьму, Герасима и Евфимия. Евфимий, по сообщению самого Аввакума, был псаломщиком «в Верху» (т. е. в царском дворце) у царевны Ирины Михайловны, Герасим — священником Благовещенского собора Кремля, Козьма в 1666 г. был священником московской церкви «у крестов в Барашах».

54. Чудов монастырь (с церковью во имя Чуда архистратига Михаила), находился в Кремле; основан в XIV в. митрополитом Московским Алексием.

55. Епископ Коломенский и Каширский Павел (хиротонисан в епископы 17 октября 1652 г.) был выходцем из нижегородских пределов, как и значительная часть ревнителей благочестия. Он единственный на церковном соборе 1654 г., созванном Никоном для утверждения своей реформы, выступил против ново-

лу, Костромскому протопопу, и всей сказал братии. Мы же с Даниилом, из книг написав выписки о сложении перстов и о поклонах, подали государю,^{56*} много писано было. Он же, не знаю где, скрыл их, мнится мне — Никону отдал.

После того вскоре схватил Никон Даниила и остриг его при царе за Тверскими воротами;^{57*} и, содрав однорядку, надругавшись, отвел в Чудов, в хлебню, и, промучив долго, сослал в Астрахань. Возложив там на главу ему венец терновый, в земляной тюрьме и уморили. Потом другого, Темниковского протопопа Даниила,^{58*} посадил у Спаса на

введений, за что сразу же был лишен сана и сослан в Палеостровский монастырь на Онежском озере. Спустя год или полтора епископ Павел был переведен под более строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь, где предан подвигу юродства. По словам дьякона Феодора, посланцы Никона нашли его странствующим в новгородских пределах и убили, а тело потом сожгли. Во время суда над Никоном на соборе 1666 г. бывшему патриарху была поставлена в вину расправа над Павлом Коломенским: в официальном акте отмечалось глухо, что Никон «Павла <...> из мантии обнажи жестоце, и на лютая биения и наказания предаде <...> и погибнути бедному кроме вести, от зверей ли снесен, или, в воду впад, утопе, или иным коим обычаем погиге».

56. Выписки эти до нас не дошли.

57. За Тверскими воротами, на Страстной площади (ныне Пушкинской), находился Страстной монастырь, основанный царем Алексеем Михайловичем при церкви, построенной в 1641 г. по случаю принесения сюда из нижегородской земли чудотворной иконы Богородицы Одигитрии, называемой Страстной.

58. Даниил был протопопом Никольского собора в городе Темникове (Нижегородская область). Очевидно, несколько позже описываемого времени он отошел от борьбы, поскольку в 1670 г. продолжал быть темниковским протопопом.

Новом.^{59*} Потом — Неронова Ивана: в церкви скуфью снял и посадил в Симонове монастыре и после на Вологду сослал в Спасов Каменный монастырь, а позже — в Кольский острог.^{60*}

Потом меня взяли от всенощного Борис Нелединский со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли;^{61*} их

59. В Ново-Спасском монастыре, в Москве на Таганке; основан в конце XV в. великим князем Московским Иваном III Васильевичем.

60. Симонов Успенский Новый монастырь находился в Москве, близ Крутицкого архиерейского дома; основан в XIV в. Ивана Неронова арестовали в августе 1653 г. и вскоре, в августе же, лишив сана, сослали за Вологду в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере; спустя год, в июле 1654 г., его перевели на Кольский полуостров в Кандалакшский Рождества Богородицы монастырь, откуда он в августе 1655 г. бежал в Москву к Стефану Вонифатьеву; некоторое время жил тайно у Стефана в келье и затем постригся в монахи. На соборе 1666 г. старец Григорий Неронов принес покаяние за сопротивление церковной реформе и принял троеперстие; в 1669 г. он был поставлен архимандритом Данилова монастыря в Переяславле-Залесском, где в 1670 г. и умер. Аввакум никак не мог примириться с отпадением Ивана Неронова и до последних дней надеялся на его возвращение; страстно обличая многих других, он не вымолвил худого слова против Неронова и писал его ученику Феокисту: «Про все пиши, а про старцово житие мне не пиши, не досаждай мне им; не могут мои уши слышать о нем хульных глагол ни от ангела. Уш то грех ради моих в сложении перстов малодушествует. Да исправит его Бог, надеюся».

61. После того как Ивана Неронова лишили священнического сана, духовенство Казанского собора стало чинить препятствия участию Аввакума в богослужении в этом храме. Из-за этого Аввакум в день проводов Ивана Неронова в ссылку служил полунощницу в церкви св. Аверкия. Когда же и тамошний поп перестал, видимо, пускать его в свой храм, Аввакум решил служить всенощную в «сушиле», сарае на дворе Ивана Неронова. Поп Казанского собора Иван Данилов донес Никону о «сушильной» всенощной Аввакума. Сам Аввакум в письме

в тюрьму отвели, а меня на патриарховом дворе ночью на цепь посадили. Когда же стало рассветать, в день воскресный, посадили меня на телегу, растянув руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря^{62*} и тут на цепи кинули в темную каморку, ушла вся в землю. И сидел я три дня, не ел, не пил, во тьме сидя, кланялся на цепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно.

Потом на исходе третьих суток захотелось мне есть, после вечерни стал предо мною, не ведаю — человек, не ведаю — ангел, и по сие время не знаю, только в потемках, сотворив молитву и взяв меня за плечо, с цепью к лавке привел и посадил, и ложку дал в руки, и хлебца немножко, и щец дал похлебать — зело превкусны, хороши, — и сказал мне: «Полно, довольно с тебя для укрепления!» И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Чудно только если человек, а ангелу-то нигде не загорожено.

Наутро архимандрит с братией вывели меня и пеняют

к Ивану Неронову писал, что он решил «побдети в сушиле», «помянув изгнание великого светила Иоанна Златоустаго»; это произошло в первое воскресенье после отъезда Ивана Неронова. Среди заутрени в сарай ворвались стрельцы, принялись бить Аввакума в епитрахили, потоптали ногами книги, по которым велась служба. Вместе с Аввакумом схватили и стоявших за службой людей.

62. До Спасо-Андроникова монастыря, находившегося в Москве близ Рогожской заставы, на берегу р. Яузы; основан в XIV в. митрополитом Алексеем; первым настоятелем монастыря был ученик преп. Сергия Радонежского Андроник.

мне: «Что патриарху не покоришься?» А я от Писания его браню. Сняли большую цепь и малую наложили. Отдали меня чернецу под надзор и велели в церковь волочить. у церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за цепь дергают, и в глаза плюют. Бог их простит в сей век и в будущий, не их то дело, но дьявольское.

Тут же в церкви у них был наш брат поднадзорный из Хамовников, одержимый по пьянству бесами, и гораздо бесился, томимый бесами. Я же, грешный, сжалился над ним: в обедню, стоя на цепи, помолил Христа-света и пречистую Богородицу, чтоб его избавили от бесов. Господь же его, бедного, и простил: прогнал бесов. И он целоумен стал, заплакал и поклонился мне до земли; я ему наказал, чтобы про меня не говорил никому; люди же не догадались о том, начали звонить и петь молебен.

Сидел я тут четыре недели. После меня взяли Логгина, протопопа Муромского.^{63*} В соборной церкви остриг его при царе овцеобразный волк в обедню во время переноса (святых даров), когда снял у архидьякона с головы дискос и поставил на престоле Тело Христово. А с чашею чудовский архимандрит Ферапонт вне алтаря у царских дверей стоял. Увы, как рассекают они Тело и Кровь Владыки Христа! Пуще жидовского действа игрушка сия!

63. Протопоп из г. Мурома Логгин, член кружка ревнителей благочестия, был репрессирован Никоном одним из первых. Уже в июле 1653 г. Никон созвал собор против Логгина и осудил его; в то время за Логгина заступался еще не арестованный Иван Неронов. 1 сентября 1653 г. Логгин был проклят на соборе и расстрижен, о чем и рассказывает Аввакум.

Остригши, содрали с Логгина однорядку и кафтан. Он же разжегся ревностью Божественного огня, Никона порицая, и через порог алтарный в глаза ему плевал, и, распоясавшись, сдернул с себя рубашку и в алтарь Никону в глаза ее бросил.

Чудо! Растопырясь, рубашка покрыла престол и дискос с Телом Христовым. А в то время и царица в церкви была. И возложивши на Логгина цепь, потащили его из церкви и били метлами и кнутами до Богоявленского монастыря,^{64*} и тут кинули нагого в каморку и стрельцов на крепкий караул поставили. Ему же Бог в ту ночь дал новую шубу да шапку. И наутро о том Никону сказали. Он же, рассмеявшись, говорит: «Знаю-де я тех пустосвятов!» И шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Потом снова меня водили пешего из монастыря на патриархов двор, по-прежнему растянув руки. И проспоров со мною долго, отвели меня назад так же. Потом (был) в Никитин день крестный ход, а меня снова везли супротив крестов на телеге. И привезли к соборной церкви стричь меня так же. И держали на пороге в обедню долго. Государь сошел с места и, приступив к патриарху, упросил его. И, не расстригши, отвели меня в приказ Сибирский^{65*}

64. Богоявленский монастырь, основанный в конце XIII в., находился в Москве в Китай-городе, где ныне Красная площадь, между Никольской и Ильинской улицами.

65. В Московском государстве XVII в. административное управление совершалось особыми учреждениями — приказами, они заведовали разными отраслями или отдельными областями государства; таким был и Сибирский приказ.

и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне с нами тоже страждет за православную веру, — Савватий старец,^{66*} сидит в земляной тюрьме у Спаса на Новом. Спаси его, Господи, и тогда мне добро делал.

Потом послали меня в Сибирь в ссылку с женою и детьми.^{67*} И сколько дорогою было нужды, обо всем том гово-

66. Дьяк (т. е. должностное лицо, чиновник) Сибирского приказа Третьяк Васильевич Башмаков в конце 1640-х — начале 1650-х гг. находился на службе в Тобольске и покинул этот город незадолго до отправки туда протопопа Аввакума. После 1653 г. (когда именно — точно не известно) он постригся в монахи в Чудовом монастыре, приняв имя Савватий. В 1660 г. он обратился к царю с челобитной, в которой обличал работу справщиков церковных книг (эта челобитная не сохранилась), и за это был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, откуда написал еще одну челобитную царю, где подробно разбирал многочисленные исправления в текстах богослужебных книг и обосновывал их ненужность. На соборе 1666 г. каким-то образом привлекалась к рассмотрению челобитная старца Савватия, но документы нам неизвестны. Дальнейшая судьба Савватия неясна.

67. В самом начале сентября 1653 г. Сибирский приказ был извещен об указе Никона сослать Аввакума с женою и детьми «в Сибирской город на Лену». 16 сентября в Сибирском приказе была изготовлена указная грамота архиепископу Сибирскому Симеону об отправке Аввакума в его распоряжение. Судя по всему, отъезд Аввакума с семьей состоялся вскоре после 17 сентября, так как этим числом датируется роспись имен провожатых стрельцов, присланных из Стрелецкого приказа в Сибирский приказ для конвоирования ссыльных. Протопопицу, стало быть, повезли по сибирскому этапу еще не оправившейся от родов, ведь 8 сентября у нее родился третий сын, Корнилий: на допросе 15 сентября 1653 г. Аввакум показал, что у него в то время было четверо детей — дочь Агриппина, восьми лет, сыновья Иван, девяти лет, Прокопий, пяти лет, и Корнилий, восьми дней. В проезде грамоте, выданной конвойным, были перечислены основные этапы маршрута их следования: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий, Соль Вычегодская, Кайгород, Соль

речь долго, разве что малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную в телеге и потащили, до Тобольска три тысячи верст, недель с тринадцать волокли телегами и водою и на санях половину пути.

Архиепископ Симеон Сибирский — тогда добр был, а ныне учинился отступником — устроил меня в Тобольске к месту.^{68*} Тут, живучи у церкви, великие беды постигли меня. Пять раз слова государевы сказывали на меня^{69*} за полтора года. А один, архиепископского двора дьяк Иван Струна, тот и душою моею потряс; вот как. Владыка отъехал в Москву, а он без него, по наущению бесовскому и по его козням, напал на меня, — церкви моей дьяка Антония

Камская, сибирские города — Верхотурье, Туринский острог, Тюмень.

68. Поскольку в приказных документах 1655 г. Аввакум называется тобольским Вознесенским протопопом, то ясно, что архиепископ Симеон поставил Аввакума протопопом Вознесенского собора в Тобольске. Указная грамота Сибирского приказа от 16 сентября 1653 г., вручавшая ссыльного Аввакума Сибирскому архиепископу, сообщала, что «священство у него, Аввакума, не отнято», и предписывала архиепископу Симеону по прибытии Аввакума велеть ему «в Сибири — в Тобольску или где в-ыном граде — быти у церкви». По сохранившимся документам известно, что Симеон доверительно относился к Аввакуму, Вознесенскому протопопу, и поручал ему в ту пору важные епархиальные дела: в мае 1655 г. Аввакум ездил от Тобольского архиерейского дома разбирать спорное дело по поводу беглых монастырских крестьян между приказчиком Киргинской слободы и строителем Исетской пустыни Далматом. Впоследствии Исетская пустынь превратилась в заметный центр старообрядчества в Сибири.

69. Сказать на кого-либо «слово и дело государево» означало изъяснить готовность донести правительству о преступлении или деле государственной важности, связанном с этим человеком. На Аввакума, стало быть, поступило пять доносов.

захотел мучить напрасно.^{70*} Тот же Антон убежал от него и прибежал ко мне в церковь. Иван же Струна, собравшись с людьми, на другой день пришел ко мне в церковь — а я пою вечерню — и, вскочив в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время затворил двери и замкнул их, никого не пустил в церковь, один тот Струна вертится, что бес, в церкви. И я, оставив вечерню, с Антоном посадил его на полу и за мятеж церковный постегал его ремнем изрядно-таки. А прочие, человек с двадцать, все побежали, гонимые духом. И я, покаяние приняв от Струны, отпустил его к себе снова. Сродники же его, попы и чернецы, весь город возмутили, как бы меня погубить. И в полночь привезли сани ко двору моему, ломились в избу, хотели меня схватить и в воду бросить. И Божиим страхом отогнаны были и вспять побежали.

Мучился я, от них бегаючи, с месяц. Иной раз тайно в церкви ночую, иной раз уйду к воеводе.^{71*} Княгиня меня в сундук посылала: «Я-де, батюшка, над тобою сяду, как-де

70. Симеон Сибирский был вызван в Москву на церковный собор 1654 г. После 24 января 1654 г. он покинул свою епархию и возвратился в Тобольск только в декабре 1654 г. Как явствует из сохранившихся документов Сибирского приказа, на время своего отсутствия архиепископ поручил дела приказному Григорию Черткову и дьяку Ивану Струне; последний, в частности, имел право вершить судные церковные дела. По-видимому, Струна преследовал дьячка Вознесенской церкви Антония по какому-то подвластному ему судному церковному делу.

71. В то время воеводство в Тобольске держали стольник князь Василий Иванович Хилков и князь Иван Иванович Гагарин-Посной; бóльшим из них был Василий Иванович Хилков.

придут тебя искать к нам». А воевода их, мятежников, боялся, лишь плачет, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился, — ан не пускают. Таково-то время было. Провожал меня многожды Матфей Ломков,^{72*} что Митрофаном в чернецах именуем, в Москве у Павла митрополита^{73*} ризничим был, когда тот стриг меня с дьяконом Афанасьем.^{74*} Тогда в Сибири при мне добр был, а после проглотил его дьявол: тоже отступил от веры.

Потом приехал из Москвы архиепископ, и мне мало-мало легче стало. Посадил его, Струну, по церковным правилам на цепь вот за что: человек некий с дочерью кровосмешение сотворил, а тот Струна, взяв с мужика полтину, не наказав, отпустил его. И владыка его за это сковать приказал и мое дело тут же помянул.^{75*} Тот же Струна ушел к воеводам в приказ и сказал на меня слово и дело

72. О Матфее Ломкове из других источников ничего не известно.

73. Митрополит (с 1664 г.) Сарский и Подонский (Крутицкий) Павел — рьяный сторонник Никоновой реформы. Во время отставки Никона он исполнял обязанности местоблюстителя патриаршего престола; был в числе организаторов антистарообрядческого собора 1666—1667 гг., пристрастным и жестоким участником допросов.

74. Дьякон Успенского собора в Кремле, любимец Никона, остававшийся преданным ему и во время его опалы.

75. В бумагах Сибирского приказа сохранилось дело о потворстве, которое оказал дьяк Иван Струна кровосмесителю. Из документов известно, что вернувшийся в Тобольск архиепископ Симеон посадил Ивана Струну под арест; сведения о «беззаконном деле» Струны по приказным документам вполне совпадают с тем, что рассказал о нем Аввакум.

государево.^{76*} Отдали его лучшему сыну боярскому Петру Бекетову под караул.^{77*} Увы, пришла Петру погибель! Поду-
мав, архиепископ по правилам за вину кровосмешения
стал Струну проклинать в церкви. Петр же Бекетов в то
время, браня архиепископа и меня, вышел из церкви
и взбесился, идучи домой, упал и испустил дух, горькою
смертью помер. Мы же с владыкою приказали его среди
улицы бросить псам на съедение, чтобы горожане оплака-
ли его согрешение; а сами три дня прилежно Божеству
докучали о нем, да отпустится ему в день кончины века от
Господа: жалея Струну, таковую пагубу он принял; и по
истечении трех дней тело его сами по чести погребли.
Полно говорить о том плачевном деле.

После того указ пришел: велено меня из Тобольска на

76. Как следует из документов Сибирского приказа, Иван Струна, уйдя в вое-
водскую канцелярию, сделал там донос про какие-то «того протопопа Авваку-
ма неистовые слова».

77. Дьяк Струна сказал «слово и дело государево» на Аввакума; а так как
политический доносчик в Московском государстве пользовался особой охра-
ной и бережением до самого окончания следствия, производимого по доносу,
то его и отдали «за пристав», т. е. приставили к нему караульщика. Сибирский
землепроходец Петр Бекетов в 1642–1644 гг. числился «письменным челове-
ком» в Енисейском остроге; в 1652 г. енисейский воевода Афанасий Пашков
посылал его разведывать места в Поамурье, на Иргень-озеро, на реки Шилку
и Нерчу, где несколькими годами позже окажется Аввакум вместе с отрядом
самого Афанасия Пашкова. Как явствует из сохранившихся документов, с 1654
по 1660 гг. Петр Бекетов в Восточной Сибири осваивал земли и возводил остро-
ги, следовательно, никак не мог быть «приставом» Ивана Струны в Тобольске
и умереть там в 1655 г. Как предположил А. Т. Шашков, здесь у Аввакума случи-
лась ошибка памяти. Или в Тобольске в 1655 г. жил другой Петр Бекетов?

Лену везти,^{78*} за то, что браню от Писания и укоряю Никона-еретика. В то же время пришла из Москвы грамотка ко мне: два брата, кои жили у царя в Верху, умерли с женами и с детьми.^{79*} И многие друзья и сродники тоже померли в мор. Излил Бог фиал гнева ярости своей на всю Русскую землю за раскол церковный, да не захотели образумиться. Говорил прежде мора Неронов царю и прорицал три пагубы: мор, меч, разделение,^{80*} — все сие сбылось во дни наши, — а после и сам, милый, принужден был тремя перстами креститься. Таково-то попущено действовать антихристову духу, по Господню речению: *«Аще возможно ему прельстити и избранныя»*^{81*} и *«Всяк мняйся стояти да блюдетя, да ся не падет»*.^{82*} Что о том много и говорить! Потому, непрестанно ища правды, всякий человек, молись Христу, а не дряхлою душой к вере прилежи, так не покинет

78. Как видно из отписки тобольских воевод в Сибирский приказ, 27 июня 1655 г. ими была получена грамота (до нас не дошедшая) о ссылке Аввакума «на Лену в Якуцкой острог» по указу Никона; в грамоте при этом значилось, что по распоряжению Никона «божественные службы <...> тому протопопу служить не велено». Из Тобольска Аввакум отправился в ссылку в Петров день, т. е. 29 июня 1655 г.

79. О братьях Аввакума см. примеч. 53*. Поскольку известно, что Козьма здравствовал вплоть до 1666 г., — значит, в моровое поветрие 1654 г. умерли Аввакумовы братья Герасим и Евфимий.

80. Известны письма Ивана Неронова царю Алексею с прорицанием «хотящей быти брани», «погибели» и «тщеты».

81. Ср. Мф. 24:24.

82. 1 Кор. 10:12.

Бог. Писанному внимай: *«Се полагаю в Сионе камень преткновенения и камень соблазна»*,^{83*} ибо все не сходящиеся с нами о него спотыкаются и соблазняются. Разумеешь ли сие? Камень — Христос, а Сион — Церковь, а соблазняющиеся — похотелюбцы и все отступники, временного ради вечным пренебрегают, просто сказать, дьявольскую волю творят, а о Христовом повелении не радеют. Но если кто преткнется о камень сей — то сокрушится, а на кого тот камень падет, сотрет его. Вникни-ка прилежно и послушай, что пророк говорит с апостолом: что жернов дурака в муку перемелет; тогда и узнает (это) всяк возносящийся в своем сердце, когда скакать по холмам перестанет, сиречь от всего этого освободится. Полно о том.

Снова стану говорить, как меня по грамоте из Тобольска повезли на Лену.

А когда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Даурию везти, тысяч с двадцать от Москвы и больше будет. Отдали меня Афанасью Пашкову:^{84*} он туда воеводою послан, и, по грехам моим, суров и бесчеловечен человек, бьет беспрестанно людей, и мучит, и жжет. И я много выговаривал ему, да и сам в руки попал, а из Москвы от Никона ему приказано мучить меня.

83. Рим. 9:33. См.: Ис. 8:14–15; 28:16.

84. Афанасий Филиппович Пашков, с 1650 г. воевода Енисейского острога, куда Аввакум с семьей прибыл зимой 1655/1656 г., незадолго перед тем получил назначение на новое воеводство в Даурскую землю, в то время еще не приведенную окончательно под власть русского царя. До лета 1656 г. Пашков набирал в Енисейске отряд и готовился к экспедиции.

Поехали из Енисейска.^{85*} Как будем на Тунгуске-реке,^{86*} бурею дощаник мой в воду погрузило, набрался посреди реки полон воды, и парус изорвало, одна палуба наверху, а то все в воду ушло. Жена моя ребят кое-как повытаскивала наверх, а сама ходит простоволоса, не помня себя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помоги!» И Божией волею прибило нас к берегу. Много о том говорить. На другом дощанике двух человек сорвало, и утонули в воде. Оправясь, мы снова поехали дальше.

Когда приехали на Шаманский порог, навстречу нам приплыли люди, а с ними две вдовы, — одна лет шестидесяти, а другая и старше, плывут постричься в монастырь. А тот Пашков стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж отдавать». Он же, осердясь на меня, на другом пороге стал меня из дощаника выбивать: «Еретик-де ты, из-за тебя-де дощаник худо идет, пойди-де по горам, а с казаками не ходи!»

Горе стало! Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный как стена стоит, и поглядеть — заломив голову. В горах тех обретаются змеи великие, в них же обитают гуси и утицы — оперенье дивное; там вороны черные, а галки — серые, иное, чем у русских птиц, имеют оперение. Там и орлы, и соколы, и кречеты, и цыплята индейские, и пеликаны, и лебеди, и иные дикие, многое множе-

85. Экспедиция Пашкова выступила из Енисейска летом 1656 г.

86. Верхняя Тунгуска — сибирское название реки Ангара.

ство птиц разных. На тех горах гуляют звери дикие: козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикие; глазами видим, а взять нельзя. На те горы Пашков и выбивал меня со зверьми обитать.

И я ему малое писаньице послал,^{87*} таково начало: «Человек, убойся Бога, сидящего на херувимах и зрящего в бездны, пред кем трепещут небо и земля с людьми и всё творение, только ты один презираешь и непокорство ему выказываешь», и прочее там многоныко написано. И вот — бегут человек с пятьдесят, взяли мой дощаник и помчали к нему, версты с три от него стоял. Я казакам каши с маслом наварил да кормлю их, и они, бедные, едят и дрожат, а иные плачут, глядя на меня, жалея меня.

Когда дощаник привели, взяли меня палачи, поставили перед ним. Он же и стоит, и дрожит, шпагою подпершись. Начал мне говорить: «Поп ли ты или распоп?» И я отвечал: «Аз есмь Аввакум протопоп. Что тебе за дело до меня?» Он же, зарывав как дикий зверь, ударил меня по щеке, и еще по другой, и в голову еще; сбил меня с ног, ухватил у слуги своего чекан и трижды по спине, лежачего, зашиб, и, раздевши, — по той же спине семьдесят два удара кнутом. Палач бьет, а я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то же, да то же говорю. Так ему горько, что не говорю: «Пощади». На всякий удар: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да на середине той вскричал я: «Полно бить-то!» Так он велел перестать.

87. «Писанейце» Аввакума к Пашкову не сохранилось.

И я промолвил ему: «За что ты меня бьешь, ведаешь ли?» И он снова велел бить меня по бокам. Отпустили. Я задрожал да и упал; и он велел оттащить меня в казенный дощаник. Сковали руки и ноги и кинули на беть.

Осень была, дождь на меня шел и во время побоев, и ночью. Как били, так не больно было с молитвою-той, а лежа на ум взбрело: «За что ты, Сыне Божий, попустил так больно избить-то меня? Я ведь за вдов твоих встал! Кто даст судию между мною и тобою! Когда грешил, ты меня так не огорчал, а ныне не ведаю, чем согрешил!» Будто добрый человек, второй фарисей, сын погибели, с говенною рожеею праведником себя почел да со Владыкою, что Иов непорочный, — на суд.^{88*} Да Иов хотя бы и грешен, ан нельзя на него дивиться, он не ведая Закона жил, Писания не разумел, в варварской стране живя, хоть и был того же рода Авраамова, но из колена идолопоклонников. Внимай: Исаак Авраамович родил скверного Исава, Исав родил Рагуила, Рагуил родил Зару, Зара же — праведного Иова.^{89*} Вот смотри, у кого было Иову добра научиться, — все прадеды идолопоклонники и блудники были. Но по творению Бога уразумев, жил праведник непорочно и, в язвах лежа, произнес слова по недомыслию и от простоты сердца: «Изведший меня из чрева матери моей, кто даст судию между мною и тобою, что ты так

88. Аввакум имеет в виду содержание 9 и 10 глав Книги Иова.

89. Родословная Иова описана близким образом в «Памяти святого Иова», включенной под 6 мая в так называемый Успенский сборник, одну из древнейших русских рукописей (четырь-минейного типа), датируемую XII—XIII вв.

наказываешь меня; никогда не обижал я сироты и вдовицы, шерсть овец моих шла на одеяние нищим!»^{90*} И сошел Бог к нему, и прочее. А я на такое же дерзнул от какого разума? Родился в Церкви, на Законе стою, Писанием Ветхого и Нового Закона огражден, вождем себя мню слепым, а сам слеп изнутри. Как дощаник-то не погряз со мною! Стало у меня в те поры кости щемить и жилы тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так я вздохнул и покаялся пред Владыкою, да и опять все перестало болеть.

Наутро кинули меня в лодку и повезли дальше. Когда приехали к порогу Падуну Большому, — река в том месте шириной с версту, три порога гораздо круты, и если не воротами что поплывет, так в щепы изломает. Привезли меня под порог: сверху дождь и снег, на плечах один кафтанишко накинут только, льет по спине и по брюху вода. Тяжко было гораздо. Из лодки вытащили, по камению, скованного, около порога того тащили. Да уж больше не пеняю Спасителю своему, но (словами) пророка и апостола утешаюсь, говоря про себя: *«Сыне, не пренебрегай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Кого любит Бог, того и наказует. Бьет же всякаго сына, которого приемлет. Если наказание терпите, тогда как к сыновьям относится к вам Бог. Если же без наказания приобщаетесь к нему, то оказываетесь выблядками, а не сыновьями»*.^{91*}

90. Ср. Иов 31:15–20.

91. Евр. 12:5–8; последний стих приведен Аввакумом в вольном пересказе.

Потом привезли меня в Братский острог^{92*} и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немножко. Сидел до Филиппова поста в студеной башне. Там в те поры зима живет, да Бог грел и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-то нельзя было. Когда покормят, а когда и нет. Есть-то после побоев тех хочется, да ведь то неволя: когда пожалуют — дадут. Да безчинники издевались надо мною: иногда одного хлебца дадут, а иногда ветчинки одной невареной, иногда масла коровьего, тоже без хлеба. Я же прямо-таки, что собака, так и ем. Не умывался ведь. Да и кланяться не смог, лишь на крест Христов погляжу да помолитвую. Караульщики по пяти человек поодаль стоят. Щелка в стене была, — собачка ко мне каждый день приходила, чтоб поглядеть на меня. Как Лазарю на гноище у врат богатого *псы облизывали гной его*,^{93*} отраду ему творили, так и я со своею собачкою поговаривал. А люди далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют. Мышей много у меня было, я их скуфью бил: и батожка не дали; блох да вшей было много. Хотел Пашкову кричать: «Прости!», да сила Божия возбранила, велено терпеть.

В шестую неделю после побоев перевел он меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками зимовал, скован. А жена с детьми верст за двадцать была сослана от меня. Баба Ксения мучила там ее, браня, всю ту зиму,

92. Братский острог на Ангаре, неподалеку от современного г. Братска.

93. Лк. 16:21.

в месте пустынном.

Сын Иван еще невелик был, прибрел ко мне побывать после Христова Рождества, и Пашков велел его кинуть в студеную тюрьму, где я прежде сидел. Ребачье дело — замерз было тут; сутки сидел, да и опять велел (Пашков) к матери вытолкать; я его и не видал. Приволокся — руки и ноги ознобил.

Весной снова поехали вперед. Все разорено: и запасы, и одежда, и книги — все растащено. На Байкалове море снова я тонул. По реке по Хилку^{94*} заставил меня (Пашков) лямку тянуть; зело тяжек путь по ней был: и поесть некогда было, не то что спать; целое лето бились против течения. От тяготы водной осенью у людей и у меня стали ноги пухнуть и живот посинел, а на другое лето и умирать стали от воды. Два лета бродил я в воде, а зимами волочился волоком через хребты.

На том самом Хилке в третий раз тонул. Барку от берега оторвало; у людей стоят, а меня понесло; жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком понесло. Вода быстрая переворачивает барку вверх дном и снова палубой, а я на ней ползаю и кричу: «Владычица, помоги! Упование, не погрузи!» Иной раз ноги в воде, а иной раз выползу наверх. Несло с версту и больше, да перехватили; всё размыло до крохи. Из воды выйдя, смеюсь, а люди те охают, глядя на меня, платье-то по кустам вешают. Шуб шелковых и кое-какой безделицы-той было много еще

94. Приток р. Селенги, впадающей в Байкал.

в чемоданах да в суммах — с тех пор все перегнило, наги стали.

А Пашков меня же хотел бить: «Ты-де себя выставлешь на посмешище». И я, в куст зайдя, к Богородице припал: «Владычица моя, пресвятая Богородица, уйми дурака того, и так спина болит!» Так Богородица-свет и уняла — стал по мне тужить.

Доехали до Иргеня-озера.^{95*} Волок тут, стали волочить-ся. А у меня (Пашков) работников отнял, другим наняться не велит. А дети были малёньки: таскать не с кем, один бедный протопоп. Сделал я нарту и зиму всю за волок бродил. у людей и собаки в подпряжках, а у меня не было ни одной, кроме двух сынов, — малёньки еще были Иван и Прокопий, тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто; насилу, бедные, и перебрали. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащи-ла. А дочь Аграфена брела-брела да на нарту и взвалилась, и братья ее со мною помаленьку тащили. И смех, и горе, как помянутся дни те: ребята-те изнемогут и на снег пова-лятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и они, съевши, опять лямку потянут.

И кое-как перебились через волок да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба Мамврийского.^{96*} Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, пока не натешился; и мы неделю-другую мерзли под сосною с ребятами одни

95. Озеро к востоку от Байкала.

96. См. Быт. 13:18.

без людей на бору; потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с ребятами огородились и, балаганец сделав, огонь курили. И как до воды домаялись весною, на плотах поплыли по Ингоде-реке; от Тобольска четвертое лето.

Лес гнали строевой, городской и хоромный, есть стало нечего, люди стали мереть с голоду и от водяных бродней. Река песчаная, (дно) сыпучее, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, только начнут бить, ан он и умрет, и без битья насилу человек дышит. С весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да-петь работай, никуда на промысел не ходи. И вербы, бедный, сбродит нащипать в кашу — и за то палкою по лбу: «Не ходи, мужик, умри на работе». Шестьсот человек было, всех так-то перестроил (Пашков). Ох, времени тому, не знаю, как из ума он исступил!

Однорядка московская жены моей не сгнила, по-русски рублей в двадцать пять, а по-тамошнему и больше. Дал нам четыре мешка ржи за нее, и мы, с травой (перемешав), перебивались. На Нерче-реке все люди с голоду померли, осталось небольшое число. По степям скитаясь и по лесу, траву и коренья копали, и мы с ними же, а зимою сосну. Иной раз кобылятины Бог даст, а иной раз кости зверей находили, пораженных волками, и, что от волка осталось, то мы глодали; а иные и самих замерзших волков и лисиц ели.

Два сына у меня умерли в тех нуждах.^{97*} Невелики были, да все одно детки. Пускай их, Бог их приберет. А с другими мы, скитаючись, наги и босы, по горам и по острым камням, травой и кореньями перебивались. И сам я, грешный, причастен был мясу кобыльему и мертвечине по нужде. Но помогала нам по Христе боярыня, воеводская сноха Евдокия Кирилловна,^{98*} да жена его, Афанасьева, Фекла Симеоновна.^{99*} Они нам от смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтоб он не сведал. Иногда пришлют кусок мяса, иногда колобок, иногда мучки и овсеца сколько удастся — четверть пудика и гривенку-другую, а иногда и полпудика, и пудик передаст, накопив, а иногда от кур корма нагребет. И той великой нужды было годов с шесть и больше. А в другие годы Бог отпустил.

А Афанасий оный, замышляя злое, мне беспрестанно смерти ищет. В той самой нужде прислал ко мне двух вдов, — сенные любимые его были, Мария да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожил он и колдовал долго над ними, и видит, *яко ничтоже успеваает, но паче молва*

97. Умерли Корнилий, родившийся в Москве перед самой отправкой в Сибирь (см. примеч. 67*), и младенец, родившийся, стало быть, в Сибири, неизвестный нам по имени.

98. Жена сына Афанасия Пашкова Еремея.

99. Жена Афанасия Пашкова Фекла Семеновна по возвращении в Москву, после смерти мужа, постриглась в монахини с именем Феофания; с июня 1673 г. и до конца своих дней в 1685 г. она была игуменьей московского Вознесенского девичьего монастыря, располагавшегося в Кремле рядом с Чудовым.

бывает,^{100*} — зело жестоко их бесы мучат, кричат и бьются. Призвал меня и говорит, поклонясь: «Пожалуй, возьми ты их и попекись об них, Бога моля, послушает тебя Бог». И я ему отвечал: «Выше, говорю, государь, меры прошение, но по молитвам святых отцов наших все возможно Богу». Взял их, бедных.

Простите, Господа ради! Во искусе то на Руси бывало — человека три-четыре бешеных в дому моем бывало приведенных, и, по молитвам святых отцов, исходили из них бесы действием и повелением Бога живого и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия, света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу во имя Христово, поя молитвы, — сила Божия и отгоняла от людей бесов, и здравы делались, не по моему достоинству, но по вере приходящих. Древле благодать действовала ослом при Валааме,^{101*} и при Ульяне-мученике — рысью, и при Сисинии — оленем:^{102*} говорили человеческим голосом. *Бог идеже хочет, побеждается естества чин.*^{103*} Читай житие Феодора Эдесского, там обрящешь — и блудница мертвого воскресила.^{104*} В Кормчей писано: «Не всех Дух Святой рукопола-

100. Мф. 27:24.

101. См.: Чис. 22:28.

102. Источники этих сюжетов пока не установлены.

103. Из стихеры службы Акафиста Богородице (см. Триодь постную).

104. В Житии Феодора Едесского рассказывается о блуднице, воскресившей умершего младенца (см. Житие под 9 июля в Великих Минеях Четиих).

гает, но через всех действует, кроме еретика».^{105*}

Так вот, привели ко мне баб бешеных. Я, по обычаю, сам постился и им не давал есть. Молебствовал и маслом мазал и, как знаю, действовал. И бабы о Христе целоумны стали. Христос избавил их, бедных, от бесов. Я их исповедал и причастил; живут у меня и молятся Богу, любят меня и домой не идут.

Проведал он, что они мне сделались дочерьми духовными, осердился на меня опять пуще прежнего, хотел меня в огне сжечь: «Ты-де выведываешь мои тайны»; а их домой взял. Он думал, Христос так оставит — ан они и пуще прежнего стали беситься. Запер он их в пустую избу, никому и доступа к ним нет. Призвал к ним черного попа, а они в него поленьями бросают. Я дома плачу, а делать не знаю что. И приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святой, велел их умыть и напоить. И им, бедным, дал Бог, легче от бесов стало. Прибтели ко мне сами тайно. И я их помазал — во имя Христово — маслом, так они опять стали, дал Бог, по-прежнему здоровы и опять домой ушли; да по ночам ко мне прибегали Богу молиться.

Ну-ка, всяк правоверный, рассуди прежде Христова суда: как было мне их причастить, не исповедав? А не причастив, бесов полностью не отгонишь. Я иного оружия на бесов не имею, только крест Христов, и священное масло, и вода святая, да когда сойдется, слез каплю-другую тут

105. Близкая параллель к этой мысли была высказана Иоанном Златоустом (см.: Беседы на 14 посланий св. апостола Павла).

же прибавлю; а совершенное исцеление бесноватому — исповедаю и причащу Тела Христова, так, дает Бог, и здрав бывает. За что было на то гневаться? Явно в нем бес действовал, помеху творя его спасению.

Да уж Бог его простит. Постриг я его и посхимил, в Москву приехав: царь мне его головою выдал, Бог так изволил. Много о том Христу докуки было, да слава за него Богу. Давал мне он в Москве и денег много, да я не взял: «Мне, — говорю, — спасение твое только надобно, а не деньги; постригись, — говорю, — так и Бог простит». Видит беду неминуемую, — прислал ко мне со слезами. Я к нему на двор пришел, и он пал предо мною, говорит: «Волен Бог да и ты надо мною». Я, простив его, с чернцами чудовскими постриг его и посхимил. А Бог ему и еще трудов прибавил, потому докуки моей об нем ко Христу было, чтоб он его к себе присвоил: рука и нога у него отсохли, в Чудове из кельи не выходит. Да любо мне сильно, чтоб его Бог Царствию Небесному сподобил. Докучаю и ныне о нем, да и надеюсь на Христову милость, чаю, помилует нас с ним, бедных. Полно о том, стану снова про даурское бытие говорить.

Так вот, с Нерчи-реки возвратились мы назад на Русь.^{106*} Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне (Пашков) под ребят и под домашнюю рухлядь дал две клячи, а сами мы с протопопицей брели пеши, убиваясь о лед. Страна варварская, инородцы немирные, отстать от лоша-

106. Отстроив Нерчинский острог, Афанасий Пашков зимой 1661 г. выехал в Иргенский острог, откуда весной 1662 г. отправился в Москву.

дей не смеем, а за лошадьми идти не успеем, голодные и измученные люди. В одну пору протопопица, бедная, брела-брела да и повалилась, и встать не может. А другой, тоже измученный, тут же взвалился: оба барахтаются, а встать не могут. После мне, бедная, пеняет: «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самой до смерти». Она же в ответ: «Добро, Петрович, тогда еще побредем».

Курочка у нас была чернёнька, по два яичка на всякий день приносила, Бог так устраивал ребяткам на пищу. По грехам нашим, в то время, везя на нарте, задавили ее. Не курочка, а чудо была, по два яичка на день давала. А не просто нам и досталась. у боярыни куры все занемогли и переслепли, пропадать стали; и она, собрав их в короб, прислала ко мне, велела об них молиться. Я, грешный, молебен пел, и воду святил, и кур кропил, и, в лес сходяв, корыто им сделал, и отослал назад. Бог же, по вере ее, и исцелил их. От того-то племени и наша курочка была.

Снова приволоклись на Иргень-озеро. Боярыня прислала-пожаловала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись.

Кормилица моя была боярыня та Евдокия Кирилловна, а и с нею дьявол ссорил, вот как. Сын у нее был Симеон, там родился; я молитву давал и крестил. Всякий день присылала его к благословию ко мне. Я крестом благословлю и водою покроплю и, поцеловав его, назад отпущу, — дитя наше здорово и хорошо. Не случилось меня дома, занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала ребенка к шептуну-мужику. А я, сведав, осердился тоже на нее, и меж нами распря великая стала быть.

Младенец пуще занемог: рука и нога засохли, что батожки. В смятение (боярыня) пришла, не знает, что делать. А Бог пуще угнетает: ребеночек кончаться стал. Пестуны, приходя ко мне, плачут, а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ее. Вижу, что ожесточил дьявол сердце ее; припал ко Владыке, чтоб образумил ее.

Господь же премилостивый Бог умягчил ниву сердца ее: прислала наутро Ивана, сына своего, со слезами прощения просить. Он кланяется, ходя около печи моей, а я на печи наг под берестой лежу, а протопопица в печи, а дети кое-где перебиваются: случилось в дождь, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Арефы-колдуна». Потом и больного принесли и положили передо мной, плача и кланяясь. Я же, встав, добыл в грязи епитрахиль и масло священное нашел; помолив Бога и покадив, помазал его маслом во имя Христово и крестом благословил. Младенец же и здоров стал по-прежнему, с рукою и с ногою, по Божьему мановению. Я, напоив его водою, к матери его послал.

Наутро прислала боярыня пирогов да рыбы; и с тех пор помирились. Выехав из Даурии, умерла, миленькая, в Москве; я и погребал ее в Вознесенском монастыре.

Узнал про младенца и сам Пашков, она ему сказала. Я к нему пришел, и он поклонился низенько мне, а сам говорит: «Господь тебе воздаст; спаси Бог, что ты по-отечески творишь, не помнишь нашего зла». И в тот день пищи довольно прислал.

А после того вскоре чуть было не стал меня пытаться. Послушай-ка, за что. Отпускал он сына своего Еремея^{107*} в Мунгальское царство^{108*} воевать — казаков с ним семьдесят два человека да тунгусов двадцать человек — и заставил инородца шаманить, сиречь гадать, удастся ли им поход и с добычею ли будут домой. Тот же мужик-волхв близ моего зимовья привел живого барана ввечеру и стал над ним волхвовать; отвертев ему голову прочь, начал скакать и плясать и бесов призывать, крича много; о землю ударился, и пена изо рта пошла. Бесы его давили, а он спрашивал их, удастся ли поход. И бесы сказали: «С победой великою и с богатством большим будете назад».

Ох душе моей! От горести погубил овец своих, забыл о писаном в Евангелии, когда Заведеевичи про поселян жестоких советовали: *«Господи, аще хощеши, — сказали, — да огонь снидет с небес и истребит их, якоже и Илия сотворил»*. И, оборотившись, Исус сказал им: *«Не знаете, коего духа вы. Сын Человеческий не пришел душ человеческих погубить, но спасти их»*. И пошли в иную весь.^{109*} А я, окаянный, сделал не так; в хлевине своей с воплем Бога молил, да не возвратится вспять ни один из них, да не сбудется пророчество дьявольское; и много молился о том.

Сказали ему, что я так молюсь, и он лишь излалял в те

107. Еремей Пашков находился в отряде Афанасия Пашкова по царскому указу, предписывавшему ему быть у отца «в товарищах», т. е. вторым воеводой.

108. В Монголию.

109. Лк. 9:54–56.

поры меня, отпустил сына с войском.

Поехали ночью по звездам. Жаль мне их; видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки молю о погибели на них. Иные, приходя ко мне, прощаются, а я говорю им: «Погибнете там!» Как поехали, так лошади под ними заржали вдруг, и коровы тут заревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами инородцы, что собаки, завыли; ужас напал на всех. Еремей прислал ко мне весть, «чтоб батюшко-государь помолился за меня». И мне его (стало) сильно жаль: друг мне тайный был и страдал за меня. Как меня отец его кнутом бил, стал он говорить отцу, так тот кинулся со шпагой за ним. И как на другой порог приехали, на Падун, сорок дощаников все в ворота прошли без вреда, а его, Афанасьев, дощаник, — снасть добрая была, и казаки, все шестьсот, пеклись о нем, — а не могли провести, взяла силу вода, сказать же лучше, Бог наказал. Стащило всех людей в воду, а дощаник на камень бросила вода и через него переливается, а в него не идет. Чудо, как Бог безумных тех учит! Боярыня в дощанике, а он сам на берегу. И Еремей стал ему говорить: «За грех, батюшка, наказывает Бог! Напрасно ты протопопы-того кнутом-тем избил. Пора покаяться, государь!» Он же зарычал на него, как зверь. И Еремей стоит, отклонясь к сосне, и, прижав руки, «Господи, помилуй!» говорит. Пашков, схватив у малого колесчатую пищаль, — никогда не лжет, — прицелившись в Еремея, спустил курок: осеклась и не выстрелила пищаль. Он же, поправив порох, прицелившись, опять спустил, и снова осеклось. Он и в третий раз сотворил — так же не выстрелила. И он и бросил на

землю ее. Малый, подняв, в сторону спустил — пищаль и выстрелила! А дощаник по-прежнему на камне под водою лежит. Потом Пашков сел на стул и шпагою подперся, задумался. А сам плакать стал. И, плача, говорит: «Согрешил я, окаянный, пролил неповинную кровь! Напрасно протопопу бил, за то меня и наказывает Бог!» О, чудо! По Писанию, косен Бог на гнев и скор на послушание,^{110*} — дощаник сам, покаяния ради, с камня сплыл и стал носом против воды. Потянули — и он взбежал на тихое место. Тогда Пашков, сына своего призвав, промолвил ему: «Прости-брат, Еремей, правду ты говоришь». Он же подошел и поклонился отцу. А мне сказывал дощаника его кормщик, Григорий Тельный, что тут был.

Зри, не страдал ли Еремей ради меня, а более ради Христа! Внимай же, снова к прежнему возвратимся.

Поехали на войну. Жаль мне стало Еремея! Стал Владыке докучать, чтоб его пощадил. Ждали их, и не вернулись в срок. А в те поры Пашков меня к себе и на глаза не пускал. В один из дней устроил он застенки и огонь разложил — хочет меня пытать. Я, узнав, ко исходу души и молитвы проговорил, знаю стряпню его: после огня того мало у него живут. А сам жду за собой и, сидя, жене, плачущей, и детям говорю: «Воля Господня да будет! *Аще живем — Господеви живем, аще умираем — Господеви умираем.*^{111*}» А вот и бегут за мной два палача.

110. Ср. Иак. 1:19.

111. Рим. 14:8.

Чудо! Еремей сам-друг дорожкой едет мимо избы моей, и их позвал и воротил.

Пашков же, оставив застенок, к сыну своему с кручины, как пьяный, пришел. Тогда Еремей, отцу своему поклонясь, все подробно ему рассказал: как без остатка войско побиили у него, и как увел его инородец пустынными местами, раненого, от монгольских людей, и как он по каменным горам в лесу семь дней блудил, не евши, одну белку съел; и как в моем образе человек ему явился во сне и благословил и путь указал, в которую сторону идти, а он вскочил и обрадовался и выбрел на дорогу. Когда отцу рассказывает, а я в то время пришел поклониться им. Пашков же, возведя очи свои на меня, вздохнув, говорит: «Так-то ты делаешь, людей-тех столько погубил». А Еремей мне говорит: «Батюшка, поди, государь, домой! Молчи, ради Христа!» Я и пошел.

Десять лет он меня мучил, или я его — не знаю, Бог разберет.

Перемена ему пришла,^{112*} и мне грамота пришла.^{113*} велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял с собою; замышлял про себя: чаял, меня без него и не вынесет Бог. Да и сам я убоился с ним плыть, перед выездом он говорил: «Здесь-де земля не взяла, по дороге-де вода у меня приберет». Среди моря велел бы с судна спихнуть, а сказал

112. Новый воевода И. Б. Толбузин прибыл на смену Афанасию Пашкову в мае 1662 г.; 25 мая Пашков отправился в Москву из Иргенского острога через Байкал.

113. Эта грамота до нас не дошла.

бы, будто сам свалился; потому и сам я с ним не захотел.

Он в дощаниках поплыл с людьми и с оружием, а я — месяц спустя после него, набрав старых, и раненых, и больных, кои там негодны, человек с десяток, да я с семьею, семнадцать человек. В лодку сев, уповая на Христа и крест поставив на носу, поехали, ничего не боясь. А иной раз и боялись, тоже ведь люди, да куда было деться, все одно смерть! Бывало то и с Павлом апостолом, сам о себе так свидетельствует: *«Внутри убо — страх, а вне убо — боязнь»*,^{114*} и в другом месте: *«Уже-де и не надеялись мы и живы быть, но Господь меня избавил и избавляет»*.^{115*} Так то и с нами бедными: если бы не помогал Господь, скоро бы угодила в ад душа моя. И Давыд глаголет: *«Аще не был Господь в нас, вегда востати человеком на ны, живы пожерли быша нас»*.^{116*} Но Господь всячески избавлял меня и доньне избавляет. Мотаюсь, как плевел посреди пшеницы, посреди добрых людей, а где и посреди волков, как овечка, или посреди псов, как заяц; всяко перебиваешься о Христе Иусе. Кусаются еретики, что собаки, а без Божьей воли проглотить не могут. Да воля Господня, что Бог даст, то и будет, без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе-то сделать, с чем бы явиться пред Владыкой, а то умрем же всяко. Полно о сем.

Когда поехали из Даурии, я Кормчую книгу приказчику

114. 2 Кор. 7:5.

115. 2 Кор. 1:8, 10.

116. Пс. 123:2.

дал, и он мне мужика-кормщика дал. Приказчик же дал мучки гривенок с тридцать, да коровку, да овечек. Мясо иссушив, и пlying, все лето тем питались. Стала пища оскудевать, так мы с братией Бога помолили, и Христос нам дал изюбря, большого зверя, так и до Байкалова моря доплыли.

У моря на русских людей наехали — рыбу промышляют и соболя. Рады нам, миленькие, Терентьюшко с братией; дав нам передохнуть, всего надавали много. Лодку починив и парус скропав, пошли мы через море. Окинула нас на море погода, так мы на веслах перегреблись: не больно широко в том месте, или со сто, или с восемьдесят верст.

Чуть только к берегу пристали, поднялась буря с ветром, насилу и на берегу укрытие нашли от волн вздымающихся. Около него горы высокие, утесы каменные и зело высокие. Двадцать тысяч верст и больше я волочился, а не видал нигде таких гор. На верху их — шатры и горницы, врата, столпы и ограда, все богоделанное. Чеснок на них и лук растет больше романовского и сладок добре. Там же растет и конопля богорасленная, а во дворах травы красные, цветущие, зело благовонные. Птиц зело много, гусей и лебедей, по морю, как снег, плавает. Рыба в нем — осетры и таймени, стерляди, омули и сиги, и прочих родов много; и жирна гораздо, на сковороде жарить нельзя осетрины: все жир будет. Вода пресная, а нерпы и зайцы великие в нем, — близ океана, на Мезени живучи, таких не видал. А все то у Христа наделано человека ради, чтобы, покоясь, хвалу Богу воздавал. *А человек, суете который уподобится, дни его, яко сень, пре-*

ходят,^{117*} — скачет, как козел; раздувается, как пузырь; гневается, как рысь; съесть хочет, как змея; ржет, глядя на чужую красоту, как жеребец; лжет, как бес;^{118*} насыщаясь невоздержно, без правила спит; Бога не молит, покаяние откладывает на старость; и потом исчезает, и не знаю, куда отходит — или во свет, или во тьму, день Судный покажет каждого. Простите меня, я согрешил больше всех людей!

Потом в русские города приплыли. В Енисейске зимовали, и снова плыли летом, и в Тобольске зимовали.^{119*} За грехи наши война в то время в Сибири была.^{120*} на Оби-реке передо мною наших человек с двадцать инородцы побили. А и я у них был в руках: подержав у берега, отпустили, Бог изволил. И на Иртыше скопом стоят инородцы, ждут березовских, чтобы наших побить. А я к ним и привалил к берегу. Они меня и обступили. И я, из судна выйдя, с ними раскланиваясь, говорю: «Христос посреди нас!» Варвары же Христа ради умягчились и никакого зла мне не сотворили, Бог так изволил. Торговали со мною и отпустили меня с миром. Я, в Тобольск приехав, сказываю —

117. Пс. 143:4.

118. Здесь Аввакум развивает мотив из Слова Иоанна Златоуста «Откуда познается совершен христианин» (см. в Прологе под 6 февраля).

119. Следовательно, Аввакум провел в Енисейске зиму 1662/1663 г., а в Тобольске — зиму 1663/1664 г.

120. В 1662–1663 гг. в Сибири происходило восстание местных народов против русского владычества под предводительством хана Девлет-Кирея, внука Кучума.

и люди все дивятся.

Потом и в Москву приехал.^{121*} Три года из Даурии ехал, а туда пять лет волокся, против течения, на восток все ехал, среди орд и селений инородческих. И взад, и вперед едучи, по городам и по селам и в малолюдных местах слово Божие проповедывал и, не обинуюсь, обличал никонианскую ересь, свидетельствуя истину и правую веру о Христе Исусе.

Когда же в Москву приехал, государь велел поставить меня к руке, и слова милостивые были. Казалось, что и вправду говорено было: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де велел Бог свидеться». И я на это сказал: «Молитвами святых отцов наших еще жив, грешник. Дай, Господи, чтобы ты, царь-государь, здоров был на многие лета», и, поцеловав руку, пожал ее в руках своих, чтобы и впредь меня помнил. Он же вздохнул и еще кое-что сказал. И велел меня поселить в Кремле на монастырском подворье.^{122*} Шествуя мимо двора моего, благословляясь и раскланиваясь со мною, сам о здоровье меня спрашивал часто. Раз, миленький, и шапку уронил, кланяясь со мною.

И давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними в вере соединился. Я же все сие Христа ради почел за грязь, поминая смерть, ибо все это временно. А мне уж в Тобольске в тонком сне страшное возве-

121. Аввакум приехал в Москву весной 1664 г.

122. В более ранней редакции Жития Аввакум назвал монастырь, на подворье которого он остановился: «на Новодевичьи подворьи».

щено было. Ходил я в церковь большую и смотрел, что в алтаре у них делается, как просвиры вынимают, — что тараканы просвиру исщиплют. И я им говорил от Писания и смеялся над их бесчинством. А когда привык ходить, так и говорить перестал, что жалом ужалило: молчать было захотел. В царевнины именины,^{123*} от заутрени придя, прилег я. Так мне было сказано: «Аль-де и ты по стольких бедах и напастях соединишься с ними? Блуди себя, да не будешь растесан надвое!»^{124*} Я вскочил в ужасе великом, пал пред иконою и говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют». Да и не пошел к обедне в ту церковь. к иным ходил церквам, где православная служба, и народ учил, обличая их злобесовское и лживое мудрование.

Да еще, когда я был в Даурии, на рыбный промысел к детям шел по льду зимою, по озеру бежал на базлуках, там снегу не бывает, так морозы велики и льды толсты, с человека намерзают, — а мне пить сильно захотелось среди озера. Воды не знаю где взять, от жажды идти не могу, озеро верст с восемь, до людей далеко. Бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, говорю: «Господи, источивший Израилю, в пустыни жаждущему, воду! Один ты — тогда и ныне! Напой меня какими знаешь судьбами!» Простите, Бога ради! Затрещал лед, как гром, предо мною, стало вверх его кидать, и, как река, расступился туда и сюда

123. Возможно, в именины царевны Ирины Михайловны, которая благоволила Аввакуму.

124. Ср. Мф. 24:51.

и снова сошелся вместе, и сделалась гора льда великая, а мне оставил Бог пролубку. И покуда строение Божие совершалось, я на восток кланялся Богу. И со слезами припал я к пролубке и напился воды досыта. Потом и пролубка содвинулась. И я, поднявшись и поклонившись Господу, снова побежал по льду, куда мне надобно, к детям. И мне столь много забыть ради прельщения сего века?!

К прежнему возвратимся. Видят они, что я не соединяюсь с ними, — приказал государь уговаривать меня Стрешневу Родиону, окольникову.^{125*} И я потешил его, — царь ведь он, от Бога поставлен, — помолчал маленько. Так меня поманивают: денег мне десять рублёв от царя милостыни, от царицы — десять же рублёв, от Лукьяна-духовника^{126*} — тоже десять рублёв, а старый друг, Федором зовут, Михайлович Ртищев^{127*} — тот и шестьдесят рублёв, горькая сиро-

125. Родион Матвеевич Стрешнев с 1663 по 1680 г. заведовал Сибирским приказом, нес дипломатическую службу, когда решался вопрос о присоединении Украины к России (в 1653 г. вел переговоры с Богданом Хмельницким), в 1654—1655 гг. участвовал в походе против польского короля. Во время распри царя Алексея с патриархом Никоном царь чаще всего посылал к опальному патриарху именно Р. Стрешнева. С 1679 г. Р. Стрешнев был дядькой при царевице Петре Алексеевиче и в этом качестве присутствовал на венчании Петра I на царство (1682).

126. Речь идет о протопопе Благовещенского собора в Кремле Лукьяне Кириллове, царском духовнике с 1657 по 1666 г.

127. Федор Михайлович Ртищев (1626—1673) — знатный вельможа, окольниковый, очень близкий царю человек, блестяще образованный; первоначально был членом кружка ревнителей благочестия, почитал Стефана Вонифатьева и Ивана Неронова. В начале церковного раскола пытался примирить враждующие сто-

тина, дал; Родион Стрешнев — тоже десять рублёв, Прокопий Кузьмич Елизаров^{128*} — тоже десять рублёв. Все глядят, все добры, всякий боярин в гости зовет. Так же и власти, пестрые и черные, припасы ко мне везут да тащат, полную клеть наволокли. Да мне же сказано было: с Симеонова дня на Печатный двор хотели посадить. Тут было моя душа возжелала, да дьявол не пустил.

Помолчал я немного, да вижу, что неладно колесница бежит, попридержал ее. Так написал и подал царю: «Царь-государь, — и прочее, как водится, — подобает тебе пастыря смиренномудрого матери нашей общей святой Церкви взыскать, а не просто смиренного и потаковника ересям; таковых же надобно избирать и во епископство, и в прочие власти; бодрствуй, государь, а не дремли, понеже супостат дьявол хочет царство твое проглотить». Да там и многонько написано было.^{129*} Спина у меня в то время заболела, не смог сам выбресть и подать, выслал

роны; в его доме устраивались философско-богословские диспуты между противниками и сторонниками церковной реформы. Но благоговение его перед европейски ориентированной образованностью «киевских старцев» и стремление «просветить» русских на киевский лад в конце концов привели его в ряды врагов старообрядчества, несмотря на то что среди приверженцев старой веры было много его близких друзей и родственников.

128. Думный дворянин, начальник Земского приказа, ведавший с 1657 по 1671 г. административным управлением Москвы.

129. Эта челобитная, в которой говорилось о кандидатурах на место патриарха и на другие духовные властительские места, не сохранилась; именно она послужила причиной новых гонений на Аввакума со стороны царя и духовных властей.

к (царскому) проезду с Феодором-юродивым.^{130*}

Он же дерзко к карете подступил и кроме царя никому письма не дал. Сам у него, протянув руку из кареты, пытался достать, да в тесноте людской не достал. Осердясь, велел Феодора взять и со всем под Красное крыльцо^{131*} посадить. Потом, к обедне прийдя, велел Федора к церкви привести, и, взяв у него письмо, велел его отпустить. Он же, покойник, побывав у меня, сказал: «Царь-де тебя зовет», да и потащил меня в церковь. Представ пред царем, стал он пред ним юродством шаловать, — так (царь) его велел в Чудов отвести.

Я перед царем стою, поклоняюсь, на него гляжу, ничего не говорю. А царь, мне поклоняюсь, на меня стоя глядит, тоже ничего не говорит. Да так и разошлись.

С тех пор и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я тоже осердился за то, что Феодора моего под надзор послал. Да и комнатные тоже на меня: «Ты-де не слушаешься царя», да и власти на меня же: «Ты-де нас оговариваешь царю и в письме своем бранишь, и людей-де учишь в церкви к пению нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать.

Феодора сковали в Чудове монастыре, — Божию же волею и железа рассыпались на ногах его. Он же влез

130. С юродивым Феодором Аввакум впервые встретился при возвращении из сибирской ссылки в Великом Устюге, тогда Федор и стал его духовным сыном.

131. Красное крыльцо тянулось по фасаду Большого Кремлевского дворца от Благовещенского собора до Грановитой палаты, под крыльцом находилось караульное помещение для стрельцов, несших охрану дворца.

после хлебов в жаркую печь и, на голом гузне ползая, на поду крошки подбирал. Чернцы же, увидав, бросились к архимандриту, что ныне Павел-митрополит,^{132*} и рассказали, а он и царя известил. Царь же, придя в монастырь, честно Феодора приказал отпустить: где-де хочет, пусть там и живет. Он ко мне и пришел. Я его отвел к дочери своей духовной, к боярыне Федосье Морозовой,^{133*} жить.

Потом меня в ссылку сослали на Мезень.^{134*} Надавали

132. Павел Крутицкий (см. примеч. 73*) был возведен в митрополиты из архимандритов Чудовского монастыря 22 августа 1664 г., следовательно, свою челобитную царю Аввакум подал до этого срока, покуда Павел еще оставался архимандритом.

133. Юродивый Федор жил некоторое время у боярыни Морозовой, своей покаянной сестры; затем между ними возникла какая-то ссора, о которой глухо для нас упоминают в своих письмах боярыня Морозова и протопоп Аввакум.

134. Мезень — город (нынешней Архангельской области) на правом берегу р. Мезени, впадающей в Белое море. Местом новой ссылки Аввакума и его семьи был определен Пустозерск, туда его отправили из Москвы 29 августа 1664 г. Путь ссыльных лежал через Вологду, Великий Устюг, Холмогоры, Мезень. Прибыв в октябре в Холмогоры, измученный Аввакум написал царю челобитную, в которой, боясь за детей, просил не везти его дальше в Пустозерск трудным зимним путем, а оставить в Холмогорах; в первый, кажется, и последний раз Аввакум пал духом: «Болезнь бо чад моих, — писал он царю, — на всяк час слез душу мою исполняет. И в Даурской стране у меня два сына от нужи умерли. Царь государь, смилуйся!» В это же время из Сарской пустыни за детей Аввакума просил царя старец Григорий Неронов. Но царь не ответил на эти просьбы; 29 декабря Аввакума с семьей и домочадцами привезли на Мезень. По дороге на Мезень или же по прибытии туда протопопица родила их младшего сына Афанасия (время его рождения устанавливается по упоминанию самого Аввакума в более ранней редакции его Жития о том, что он крестил Афанасия на Мезени). Мезенский воевода Алексей Христофорович Цехановецкий спосо-

было добрые люди кое-чего — все осталось тут, только с женою и детьми повезли; а я по городам снова их, пестрообразных зверей, обличал.

Привезли на Мезень и, полтора года продержав, снова одного к Москве поволокли.^{135*} Только два сына со мною съехали,^{136*} а прочие на Мезени остались все.

И привезши в Москву, подержав, отвезли в Пафнутьев монастырь. И туда присылка была — то ж, да то ж говорят: «Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами!» Я отрицаю, что от бесов, а они лезут в глаза. Сказку им тут написал^{137*} с большою укоризною и бранью и послал с посланником их — Козьма, дьякон ярославский,^{138*} приезжал с подъячим патриаршего двора. Козьма-то не знаю, коего духа человек: въяве уговаривает меня, а втай подкрепляет, так говоря: «Протопоп, не отступай ты старого того благочестия! Велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь! Не гляди ты на нас, что погибаем мы!» И я

бствовал тому, чтобы отправка ссыльных в Пустозерск не состоялась, он писал царю о том, что это невозможно осуществить из-за отказа местных крестьян дать под ссыльных подводы и прогонные деньги; на Мезени, в Окладниковой слободке, Аввакум прожил до февраля 1666 г.

135. Аввакума повезли в Москву на церковный собор, заседания которого начались в феврале 1666 г.

136. У Аввакума в это время было шестеро детей: три сына — Иван, Прокопий и Афанасий — и три дочери — Агриппина, Акилина и Ксения. В Москву с отцом поехали Иван и Прокопий.

137. Эта «сказка» Аввакума до нас не дошла.

138. Дьякон из ярославской Коровниковой слободы, ученик Никона.

ему говорил, чтоб он снова приступил ко Христу. А он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молвить, отрекся пред Никоном Христа, так уж, бедный, не может встать. Я, заплакав, благословил его, горюна: больше того нечего мне делать, то ведает с ним Бог.

После, продержав меня в Пафнутьеве на цепи десять недель, опять в Москву свезли, истомленного человека, посадив на старую лошадь; пристав сзади: побивай да побивай, когда лошадь и вверх ногами в грязь упадет, а я — (кувырком) через голову. И за один день промчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы.

Наутро ввели меня в Крестовую, и проспорили власти со мною долго, а потом привели в соборную церковь. По «Херувимской», в обедню, стригли и проклинали меня,^{139*} а я в ответ их, врагов Божиих, проклинал. После меня в ту же обедню и дьякона Феодора стригли и проклинали.^{140*} Мятужно сильно в обедню ту было.

И подержав на патриархове дворе, вывели меня ночью

139. Расстрижение Аввакума и предание его анафеме состоялось 13 мая 1666 г.

140. Будущий союзник Аввакума по Пустозерской тюрьме дьякон (с 1659 г.) кремлевского Благовещенского собора Феодор был арестован в декабре 1665 г. после того, как подал царскому духовнику челобитную «об Аввакуме, о свободе». Он смело выступал на соборе и был расстрижен в один день с Аввакумом. Посаженный в темницу Николо-Угрешского монастыря, дьякон Федор на миг смалодушествовал и написал властям «покаянное письмо», но вскоре одумался и пытался бежать; был схвачен и окончательно осужден собором; после этого его казнили урезанием языка и отправили в Пустозерск, где через пятнадцать лет ему было суждено принять вместе со своими союзниками огненную смертную казнь.

к Спальному крыльцу; голова досмотрел и послал в Тайницкие водяные ворота. Я чаял, в реку посадят — ан от Тайных дел шиш антихристов стоит, Дементий Башмаков,^{141*} дожидается меня. Стал мне говорить: «Протопоп, велел тебе государь сказать, „не бойся-де ты никого, надейся на меня“». И я ему поклонился, а сам говорю: «Челом, — говорю, — бью за его жалованье, какая он надежда мне! Надежда моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: *«Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения»*,^{142*} и прочее.

Потом полуголова Осип Салов^{143*} со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь. Посмотрю — ан впереди меня и дьякона тащат. Везли болотами, а не дорогою до монастыря и, привезя, в каморку студеную над ледником посадили. И других, дьякона и попа Никиту Суздальского,^{144*} в других каморках посадили. Стрельцов

141. Думный дьяк, доверенное лицо царя Алексея, активный сотрудник приказа Тайных дел, главного сыскного ведомства Московского государства.

142. Пс. 145:3.

143. В сохранившемся деле об отправке Аввакума из Николо-Угрешского монастыря в Пафнутьев Боровский монастырь (сентябрь 1666 г.) названо имя стрельцкого полуголовы Григория Салова, приставленного караулить заточенного Аввакума.

144. Суздальский соборный священник Никита Константинович Добрынин; один из активнейших обличителей Никоновых нововведений; в 1666 г. он подал царю обширную челобитную против никоновской книги «Скрижаль» и об исправлении богослужебных книг и тут же был арестован. Собор 1666 г. отлучил Никиту от церкви, предал анафеме и сослал в Николо-Угрешский мона-

человек с двадцать с полуголовою стояло. Я сидел семнадцать недель, а они, бедные, изнемогли и повинились, просидев пятнадцать недель. Так их в Москву взяли опять, а меня снова в Пафнутьев перевезли^{145*} и там в камере, скованного, держали около года.

А как я на Угреше был, туда и царь приходил и смотрел около камерки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним кое о чем поговорил про меня да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да, видишь, Богу уж то надобно так.

После и Воротынский князь-Иван^{146*} в монастырь приезжал и просился ко мне, так не смели пустить; денег, бедный, громаду в листу бумаги подавал. И денег не приняли. После, когда в другое лето на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в карете нарочно мимо меня, и благословил я его, миленького. И все бояре-

стырь. Челобитная Никиты получила печатное опровержение: первая часть созданной в защиту церковной реформы книги «Жезл правления» представляет собой обличительный разбор сочинения Никиты Суздальского. В Николо-Угрешской ссылке Никита ослабел и покаялся «за срубом и мечем», как говорил он сам впоследствии, и с него было снято отлучение. Но в 1682 г. он снова явился как старообрядческий борец и даже предводитель стрелецкого восстания, за что был публично казнен на Лобном месте 11 июля 1682 г.

145. Аввакума перевели в Пафнутьев Боровский монастырь 5 сентября 1666 г.

146. Князь Иван Алексеевич Воротынский, с 1664 г. дворецкий царя Алексея Михайловича, двоюродный брат царя по матери; в 1673 г. присутствовал при пытке боярыни Морозовой и корил ее при этом.

те добры до меня, да дьявол лих. Хованского князь-Ивана^{147*} и батогамы за благочестие били в Верху; а дочь-ту мою духовную Федосью Морозову и совсем разорили, и сына ее Ивана Глебовича уморили, и сестру ее княгиню Евдокию Прокопьевну, тоже дочь мою духовную, с мужем и с детьми, бивши, развели. И ныне мучат всех,^{148*} не велят веровать в старого Сына Божия, Спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединишь с ними в преисподний ад! Полно о том.

В Никольском же монастыре было мне в камерке в Вознесенев день Божие посещение; в царевом послании писано о том, там обрящешь.^{149*}

А когда меня свезли в Пафнутьев монастырь, тут келарь Никодим сперва до меня был добр в первый год, а в другой привоз ожесточал, горюн: задушил было меня, завалил и окошки, и дверь, и дыму некуда было идти. Тошнее мне было земляной тюрьмы: где сижу и ем, тут и бренное всё — срание и сцание; проветрить откупают, да и опять

147. Князь Иван Иванович Хованский-Большой, был близок к старообрядчеству; в конце столетия оказался причастен к делу старообрядческого книгописца Григория Талицкого, называвшего Петра I антихристом; умер под караулом до окончания следствия в 1701 г.

148. См. Житие боярыни Морозовой и примеч. к нему в наст. изд.* (с. 140–176, 284–292).

149. В так называемой Пятой челобитной царю Алексею Аввакум рассказал о своем видении: как царь предстал перед ним весь покрытый язвами, и язвы эти Аввакуму не дано было полностью уврачевать.

задушат. Добрый человек, дворянин, друг, Иваном зовут, Богданович Камынин, вкладчик в монастыре, ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье и все без указа разломал, так мне с тех пор окошко стало и отдушина. Да что на него, келаря, дивиться! Все они обкурились табаком тем, что у газского митрополита шестьдесят пудов вынули напоследок,^{150*} вместе с домрой, да иными запретными в монастыре вещами для потаенных игр. Согрешил, простите! Не мое то дело, то ведают они сами, своему владыке стоят или падают. То у них были законоучители и любимые риторы.

У того же Никодима-келаря на Велик день попросился я ради праздника отдохнуть, чтоб велел, двери отворя, посидеть. И он, меня разругав, отказал жестоко, как захотелось ему; потом, прийдя в келью, разболелся. И маслом соборовали, и причащали, — когда-никогда вздохнет. То было

150. Бывший митрополит Газы (Палестина) Паисий Лигарид, политический авантюрист и интриган, был одним из вершителей судеб на соборе 1666—1667 гг. Он прибыл в 1662 г. в Москву с подложными грамотами газского митрополита по приглашению Никона, будучи к тому времени изверженным из сана от Иерусалимского патриарха, но скрыв это от русских. Во время своего пребывания в Москве он постоянно выпрашивал у царя деньги и милостыню якобы на содержание Газской епархии, к которой уже не имел никакого отношения. От Никона он отшатнулся сразу же, как только тот попал в опалу, и с рвением помогал царю низложить его на соборе 1666 г. Полемизируя со старообрядцами, написал по заданию царя обширный разбор на латинском языке челобитной Никиты Суздальского. В Москве Паисий спекулировал мехами и драгоценными камнями и, как явствует из слов Аввакума, очевидно, торговал табаком, запрещенным в России к ввозу и употреблению.

в понедельник светлый. В ночь же ту на вторник пришел ко мне с Тимофеем, келейником своим, тот келарь; идучи в темницу, говорит: «Блаженна обитель, блаженна и темница, таковых имеет в себе страдальцев! Блаженны и узы!» И пал предо мною, ухватился за цепь, говорит: «Прости, Господа ради, прости! Согрешил пред Богом и пред тобою, оскорбил тебя, и за это вразумил меня Бог». И я говорю: «Как наставил, скажи мне!» А он опять: «А ты-де сам, придя и покадив, меня пожаловал, поднял, что-де запираешься! Ризы-де на тебе светлоблистающие и зело красны были!»

А келейник его, тут же стоя, говорит: «Я, батюшка-государь, тебя под руку вел, из кельи провожая, и поклонился тебе». И я, уразумев, стал ему говорить, чтобы он другим не рассказывал про сие. Он же со мною советовался, как ему жить впредь по Христе: «Или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» И я ему понаказывал и не велел ему келарства покидать, только хотя бы втайне старое благочестие держал. Он же, поклонясь, пошел к себе, а наутро за трапезою всей братии сказал. Люди же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, благословения у меня прося и молитвы; а я их словом Божиим пользую и учу. В то время и враги кои были, и те тут примирились. Увы мне! Когда оставлю суетный сей век! Писано: *«Горе, ему же рекут добре вси человецы»*.^{151*} Воистину, не знаю, как до края доживать. Добрых дел нет, а прославил Бог; да то ведает он — воля его!

151. Лк. 6:26.

Тут же приезжал и Феодор, покойник, с детьми ко мне побывать^{152*} и советовался со мною, как ему жить: «В рубашке ль-де ходить или платье вздеть?»^{153*} Еретики-де ищут меня. Был-де я в Рязани, у архиепископа Лариона^{154*} скован сидел, и зело-де жестоко мучили меня; редкий день без побоев плетью пройдет; а нудили-де к прича-

152. Старшим сыновьям Аввакума Ивану и Прокопию удалось повидаться с отцом еще в Николо-Угрешском монастыре, откуда в мае 1666 г. Аввакум писал на Мезень Настасье Марковне: «Дети, бедные, к монастырю приезжают, да получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилиу и домой уедут». 8 июля 1666 г. Иван и Прокопий (вместе со своим двоюродным братом Макаром, сыном Кузмы) были схвачены в Николо-Угрешском монастыре под окнами темницы Аввакума и до сентября находились под арестом, из-под которого освободились на поруки с условием «ставиться» ежедневно в Патриаршем приказе и из Москвы без царского указа никуда не съезжать, т. е. попали под надзор. Несмотря на такие испытания, сыновья Аввакума продолжали искать возможности свидеться с отцом и, как видим, смогли вместе с юродивым Федором посетить его в темнице Пафнутьева Боровского монастыря.

153. Рубашка по традиции была единственным видом одежды человека, бравшего на себя подвиг юродства; нагота являлась отличительной чертой подвига юродивого. При такой наглядной особой примете юродивому Федору было очень трудно спрятаться от преследователей. Поэтому протопоп Аввакум и благословил его носить обычное платье.

154. Архиепископ Рязанский Иларион был старым знакомцем и даже другом Аввакума по нижегородскому периоду его жизни. В 1649–1656 гг. он игуменствовал в Макариевом Желтоводском монастыре, к которому тяготели многие из кружка ревнителей благочестия. После введения церковной реформы пути Аввакума и Илариона разминутись: Аввакума отправили в ссылку, а Илариона сделали (в 1657 г.) архиепископом. Иларион Рязанский был ревностным противником старообрядчества. На соборе 1666–1667 гг. он играл первейшую роль в паре с Павлом Крутицким (см. примеч. 73*).

стью своему; и я-де уже изнемог и не ведаю, что делать. В ночи в горести великой молился я Христу, чтобы меня избавил от них, и всяко много докучал ему. И вот-де цепь вдруг грянула с меня, и двери-де отворились. Я-де Богу поклонился и побрел из палаты вон. к воротам пришел, — ан и ворота отворены! Я-де и пошел путем. к свету-де уж далекомько дорогою бреду. А тут двое на лошадях погоню за мною бегут. Я-де-таки подле края дороги бреду: они-де и пробежали мимо меня. А вот-де стало рассветать, — едут навстречу мне назад, а сами меня бранят: „Ушел-де, блядин сын! Где-де его возьмешь?“ Да и опять-де проехали, не видали меня. Я-де помаленьку и в Москву прибрел. Как ныне мне велишь: туда ль-де снова мучиться идти или-де здесь таиться от них? Как бы-де Бога не прогневить».

Я, подумав, велел ему платье носить и посреди людей, таясь, жить.

Однако не утаил, нашел дьявол и в платье, и велел удавить. Миленький мой, храбрый воин Христов был! Зело в нем вера и ревность тепла ко Христу была; не видал другого я такого подвижника и слезоточца. Поклонов тысячу откладет да сядет на полу и плачет часа два или три. Жил со мною лето в одной избе; бывало, покою не даст. Мне еще немоглось в то время; в комнатке двое нас; не больше трех часов полежит да и встанет на правило. Я лежу или сплю, а он, молясь и плача, приступит ко мне и станет говорить: «Как тебе сорама нет? Ведь ты протопоп. Тебе подобало бы нас понуждать, а ты и сам ленив!» Да и раскачает меня. Он кланяется за меня, а я сидя молитвы говорю:

спина у меня болела гораздо. Он и сам, миленький, болен был: кишок из него вышло три аршина, а в другой раз — пять аршин, от тяготы зимней и от побоев. Бродил он в одной рубашке и босиком в Устюге годов с пять, зело великие страдания терпел от мороза и от побоев. Сказывал мне: «Ногами-теми, что коченьями мерзлыми, по каменью-тому-де бью, а как-де в тепло войду, зело-де рвет и болит, как-де сперва начал странствовать; но вот-де легче да легче, да и не стало болеть». Отец у него в Новгороде, богат гораздо, сказывал мне, — мытоимец-де, тоже Феодором зовут; а он уроженец мезенский, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог изволил, и удавили его на виселице отступники у родни на Мезени.^{155*}

А юродствовать-то как обещался Богу, да солгал, так-де морем ездил на ладье к городу с Мезени, «и непогodoю било нас, и, не ведаю-де как, упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел: голова в воде, а ноги вверху; и на ум-де взбрело обещание, что не солгу, если от потопления меня Бог избавит. И не ведаю-де, кто, силён, выпихнул меня из воды на палубу. С тех-де пор стал странствовать».

Домой приехав, стал он жить как девственник, Бог изволил. Многие борьбы блудные бывали, да всяко сохранил его Владыка. Слава Богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже свершил свой подвиг. Как-то еще мы до пристанища доедем? В открытом море еще

155. Федор юродивый был казнен в марте 1670 г. вместе с другим духовным сыном Аввакума, юношей Лукой Лаврентьевичем.

плывем, берега не видать, грести надобно прилежно, чтобы благополучно вслед за друзьями пристанища достигнуть. Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит, хочется ему нас гораздо! Да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа, своего Творца, и Создателя, и Владыки. А дьявол — какая диковина, чего его бояться! Бояться подобает Бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем.

И Афанасий-юродивый тоже стойко житье свое проходил, покойник, тоже был сын мне духовный, во иноках Авраамий;^{156*} ревнитель же о Христе и сей был гораздо, но нравом Феодора смирнее. Также слёз река от очей его истекала, так же бос и в одной рубашке ходил зиму и лето и тоже много терпел от дождя и стужи. Постригшись, жил он в пустыни, да отступники и его, много мучив, сожгли на костре в Москве на Болоте.^{157*} Пусть так, испекли хлеб сладок святой Троице. Павел Крутицкий за бороду его драл и по щекам бил своими руками, а он тихо Писанием обличал их отступление. После и плетьюми его били и, муча всячески, жгли в огне за старую нашу христианскую веру,

156. Юродивый Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума. Он написал целый ряд сочинений в защиту старой веры, важнейшие из которых: «Челобитная царю Алексею Михайловичу», «Христианоопасный щит веры», «Вопрос и ответ инока Авраамия». В 1670 г. за хранение и распространение антиниконианских писаний и за переписку с Аввакумом он был арестован и весной 1672 г. казнен через сожжение.

157. На Болотной площади, напротив Кремля, по ту сторону Москвы-реки.

и он скончался о Христе Исусе, после Феодорова удавления спустя два года.

И Лука Лаврентьевич — тоже сын мне духовный, что на Мезени вместе с Феодором те же отступники удавили, на виселице повесив, — смирен нрав имел, покойник, говорил, как плакал, москвитин родом, у матери-вдовы сын был единокровный, сапожник ремеслом, молод годами, лет двадцати пяти, да ум столетен. Когда спросил его Пилат: «Как ты, мужик, крестишься?», так он ответил: «Как батюшка мой протопоп Аввакум, так и я крещусь». И после долгих с ним разговоров, отдал его он в темницу. Потом из Москвы приказали удавить его, так же, как и Феодора, на виселице повесив; он и скончался о Христе Исусе.

Милые мои, сердечные друзья, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, чтобы и нам о Христе подвиг сей мирно довершить.

Полно мне про детей тех говорить, стану снова про себя сказывать.

Когда из Пафнютьева монастыря привезли меня в Москву^{158*} и на подворьи поместили, тогда многожды водили меня в Чудов, и грызлись, что собаки, со мною власти.^{159*} Потом привели меня пред вселенских патриархов, и наши все тут же сидят, что лисы.^{160*} Много я от Писания говорил

158. Аввакума привезли в Москву 1 мая 1667 г.

159. В Чудовом монастыре Аввакума допрашивали архимандриты Чудовский Иоаким (будущий Московский патриарх) и Спасо-Ярославский Сергей.

160. 17 июня 1667 г. Аввакум предстал перед патриархами, заседавшими на цер-

с патриархами: Бог отверз уста мои грешные, и посрамил их Христос устами моими. Последнее слово со мною говорили: «Что-де ты упрям, Аввакум? Вся-де наша Палестина, и сербы, и албанцы, и венгры, и римляне, и ляхи, все-де тремя перстами крестятся, один-де ты стоишь в своем упорстве и крестишься пятью перстами! Так-де не подобает».

И я им так о Христе отвечал: «Вселенские учителя! Рим давно пал и лежит не поднимаясь, и ляхи вместе с ним погибли, до конца стали врагами христианам. А и у вас православие пестро стало от насилия турецкого Магмета,^{161*} да и дивиться на вас нельзя, немощны вы стали. Впредь приезжайте к нам учиться: у нас, Божией благодатью, самодержство. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была покойна. Никон-волк со дьяволом постановили тремя перстами креститься. А первые наши пастыри как

ковном соборе, — Макарием Антиохийским, Паисием Александрийским (вселенскими патриархами) и Иоасафом II, Московским патриархом, незадолго перед тем избранным на том же соборе. Патриархи Макарий и Паисий прибыли в Москву 2 ноября 1666 г. по приглашению русских властей, стремившихся придать общеправославный авторитет собору, созванному для рассмотрения дел русской Церкви: лишения Никона патриаршего сана, избрания нового патриарха и осуждения старообрядцев. На Руси было хорошо известно, что бедные восточные патриархи ездили к русским царям главным образом за щедрой милостыней и неизменно ее получали.

161. Аввакум имеет в виду то обстоятельство, что с 1453 г., с момента завоевания Византийской империи турками (султаном Магометом), православное население восточных патриархатов находилось под властью магометан.

сами пятью перстами крестились, так пятью перстами и благословляли по завету святых отцов наших, Мелетия Антиохийского и Феодорита Блаженного, Петра Дамаскина и Максима Грека.^{162*} Еще же и московский поместный собор, бывший при царе Иване,^{163*} так же слагать персты и креститься и благословлять повелевает, как и прежние святые отцы, Мелетий и прочие, научили. Тогда, при царе Иване, на соборе были знаменосцы: Гурий, Смоленский епископ, и Варсонофий Тверской, что стали Казанские чудотворцы,^{164*} и Филипп, Соловецкий игумен, митрополит

162. Здесь Аввакум называет те имена, к авторитету которых прибегали дониконовские издания Псалтыри с воследованием, включавшие в свой состав статью «Како лице свое крестити крестообразно и истово» и объяснявшие символику двуперстного крестного знамения ссылками на учение блаженного Феодорита, епископа Киррского (V в.), о крестном знамении, на Мелетия, патриарха Антиохийского (IV в.), опиравшегося в борьбе с ересью Ария на символику крестного знамения, на защитника двуперстия византийского ученого инока Петра Дамаскина (XII в.), на авторитет русского просветителя и философа Максима Грека (1480–1556), автора «Слова, како подобает знаменатися крестным знамением» и «Слова о сугубой аллилуйе».

163. Аввакум имеет в виду Стоглавый собор 1551 г., поместный собор русской церкви, в решениях которого было постановлено: «иже кто не знаменается двема персты, якоже и Христос, да есть проклят».

164. Во время Стоглавого собора архиепископ Казанский Гурий был епископом Смоленским и Брянским, а Тверской архиепископ Варсонофий – архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря. Оба они причтены Церковью к лику святых в 1595 г. В московском Казанском соборе был придел, посвященный казанским чудотворцам Гурию и Варсонофию, и именно в этом приделе служил Аввакум при настоятеле собора Иване Неронове.

Московский,^{165*} и иные от святых русских».

И патриархи, выслушав, задумались. А наши, что волчонки, вскочив, завыли и блевать стали на отцов своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши святые, неученые люди были и грамоте не умели, — что-де им верить!»

О, Боже святой! Как претерпел ты святых своих такое поношение! Мне, бедному, горько, а делать нечего стало; побранил их, сколько мог, и последнее изрек слово: «Чист я и прах, прилипший к ногам своим, отрясаю пред вами, по писанному: „*Лучше един, творящий волю Божию, нежели тьмы беззаконных!*“^{166*}». Так на меня и пуще закричали: «Возьми, возьми его! Всех нас обесчестил!», да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на меня бросились грудую, человек их с сорок, думаю, было; все кричат, что татары. Ухватил дьяк Иван Уаров^{167*} да и потащил меня. И я закричал: «Постой, не бейте!» Так они все отскочили.

И я толмачу архимандриту Денису^{168*} стал говорить:

165. Во время Стоглавого собора Филипп был игуменом Соловецкого монастыря (см. также примеч. 38*, 44*).

166. Сирах. 16:3.

167. Дьяк Иван Уарович Калитин в свое время был человеком, близким к Никону. В 1660 г. он выступал свидетелем по делу Никона.

168. Архимандрит Афонского Иверского монастыря грек Дионисий состоял переводчиком при греческих патриархах Макарии и Паисий, он прибыл на Русь в 1655 г. в качестве настоятеля греческого Никольского монастыря в Москве и затем принимал участие в исправлении русских богослужебных книг по греческим образцам. Влияние Дионисия на ход собора 1666–1667 гг. было весьма

«Говори, Денис, патриархам — апостол Павел пишет: „Таков нам подобает архиерей: преподобен, незлобив“^{169*}, и прочее. А вы, убивши человека неповинна, как литургисать станете?» Так они сели. И я, отойдя к дверям, да на бок повалился, а сам говорю: «Посидите вы, а я полежу». Так они смеются: «Дурак-де протопоп-от, и патриархов не почитает». А я говорю: *«Мы юроды Христа ради! Вы славны, мы же бесчестны! Вы сильны, мы же немощны!»*^{170*}

Потом снова ко мне пришли власти и про «аллилуйя» стали говорить со мною. И мне Христос подал: Дионисием Ареопagitом римскую ту ересь посрамил в них. И Евфимий, чудовский келарь,^{171*} молвил: «Прав-де ты, нечего-де нам больше говорить с тобою». И повели меня на цепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — и священни-

существенным. Он написал трактат против старых русских церковных обрядов, который был положен в основу постановлений («деяний») собора. Кроме того, он оказывал давление на патриархов Макария и Паисия, убеждая их выносить решения, нужные московскому правительству.

169. Евр. 7:26.

170. 1 Кор. 4:10.

171. Справщик Московского печатного двора, уставщик и келарь Чудовского монастыря, прекрасно образованный в духе греческой ориентации монах, автор ряда переводов с греческого.

ка Лазаря,^{172*} и старца Епифания,^{173*} поруганы и расстрижены, как и я был прежде. Поставили нас по разным дворам. Неотступно двадцать человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли: берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали. Помилуй их Христос! И впрямь добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, — мучатся туда же, с нами возясь. Нужда-то какова случится, так они всячески, миленькие, радеют. Да что много рассуждать, у Спаса они лучше чернецов тех, которые клобуки-те рогатые поставцами-теми носят.^{174*} Больно сильно они, горюны, допьяна напиваются да матерно бранятся, а то бы они и с мучениками равны были. Да что же делать, и так их не покинет Бог.

Потом нас перевезли на Андреевское подворье.^{175*} Тут приезжал ко мне шпынять из Тайных дел Дементей Баш-

172. Священник из Романова-Борисоглебска Лазарь за неприятие Никоновой реформы был сослан в 1661 г. в Тобольск, откуда затем «за неистовое прекословие», т. е. за дальнейшую открытую и смелую борьбу, переведен в Пустозерск. В 1666 г. Лазаря привезли из Пустозерска в Москву на церковный собор для суда над ним. В ноябре 1666 г. его допрашивали на соборе, а 17 июня 1667 г. расстригли и предали анафеме.

173. См. Житие Епифания и примечания к нему в наст. изд.* (с. 107–139, 277–284).

174. Аввакум здесь имеет в виду новый фасон высоко возвышающихся над головой, как рог или поставец, клобуков духовенства; древнерусская традиция не знала такой формы.

175. 30 июня 1667 г. Аввакум, Лазарь и Епифаний были отвезены на подворье Андреевского монастыря, основанного в 1648 г. Ф. М. Ртищевым, находившегося на берегу Москвы-реки близ Воробьевых гор.

маков; будто без царева ведома был, а после будучи у меня, сказал — по цареву велению был. Всяко, бедные, умышляют, как бы им меня прельстить, да Бог не выдаст по молитвам пречистой Богородицы, она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк конюший Тимофей Марков^{176*} от царя был прислан и у всех был, — много кое-чего наговорив, с криком разошлись и с большой бранью. Я после него написал послание^{177*} и с сотником Иваном Лобковым к царю послал: кое о чем многонько поговорил и благословение ему и царице и детям приписал.

Держали меня на Воробьевых горах, и на Андреевском подворье, и в Саввиной слободке,^{178*} а после к Николе на Угрешу перевезли. Тут голову Юрья Лутохина^{179*} ко мне опять царь присылал и за послание «спаси Бог» с поклоном большое сказал и, благословения себе с царицей и детям прося, молиться о себе приказал.

Затем опять нас в Москву привезли, на Никольское подворье, и взяли о правоверии новые сказки у нас.^{180*}

176. Дьяк Конюшенного приказа.

177. Это послание Аввакума до нас не дошло.

178. В слободе Саввина Сторожевского монастыря; находился близ Новодевичьего монастыря.

179. Стрелецкий голова (полковник) Юрий Лутохин был управляющим царского имения в с. Измайлове.

180. 5 августа 1667 г. Аввакума, Лазаря и Епифания допрашивали о вере (в том числе, «великий государь царь <...> Алексей Михайлович <...> православен ли») архимандриты: владимирского Рождественского монастыря — Филарет, новго-

Потом многожды ко мне присылаваны были Артемон и Дементий,^{181*} ближние его, и передавали царские слова. «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де благословения твоего с царицею и детьми, помолись о нас», — кланяючись посланник говорит. Да я и ныне по нем тужу, сильно мне его жаль. И снова он же: «Пожалуй-де, послушай меня, соединишь со вселенскими теми хотя чем небольшим!» И я говорю: «Хоть мне и умереть — с отступниками не соединюсь! Ты, говорю, царь мой, а им какое дело до тебя? Потеряли, говорю, своего царя латынчики безверием своим, да и тебя сюда приехали проглотить! Не сведу рук с высоты, покуда не отдаст тебя мне Бог!»

И много тех присылок было. Говорено кое о чем немало, — день Судный покажет. Последнее слово изрек: «Где ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешный, сколько могу, молюсь о нем. Хоть и мучит меня,

родского Хутынского — Иосиф и Спасо-Ярославского — Сергей.

181. Артамон Матвеев и Дементий Башмаков. Артамон Сергеевич Матвеев, крупный государственный сановник, ярый противник старообрядцев, не раз участвовал в их допросах и «уговорах». После смерти царя Алексея он попал в опалу и был сослан в тот же самый Пустозерск, где с декабря 1667 г. томился Аввакум и его соратники. Соединенные одной ссылкой, они остались по-прежнему разъединенными в том, что касалось церковной реформы; Артамон Матвеев в Пустозерске перетянул в никонианство попа местной Никольской церкви Иосифа, за возвращение которого к старой вере боролся Аввакум. В 1682 г., в год казни Аввакума, с Артамона Матвеева была снята опала, и он возвратился в Москву, но там вскоре (15 мая) был убит восставшими стрельцами, пережив казненного по царскому указу Аввакума всего на месяц.

но ведь то царь; бывало время, и впрямь добр до нас бывал. До Никона-злодея, прежде мору, к Казанской при-
дя, у руки мы были, яйцами нас оделял, — и сын мой Иван,
малёнок еще был, не оказался подле меня, а он, государь,
знает хорошо его, послал брата моего родного разыски-
вать ребенка, а сам долго, стоя, ждал, покамест брат на
улице ребенка не сыскал. Руку ему дает целовать, а ребе-
нок глуп, не понимает, видит, что не поп, так не хочет
целовать. И государь сам руку к губам ребенку поднес, два
яйца ему дал и погладил по голове. Да, и сие нам надобно
не забывать, не от царя нам мука сия, но по грехам нашим
от Бога дьяволу попущено мучить нас, чтобы, принявши
искус ныне, вечного искушения избегли. Слава Богу за все!

Потом, братию, Лазаря и старца, казнив, вырезав им
языки, а меня и Никифора-протопопа^{182*} не казнив, сосла-
ли нас в Пустозерье.^{183*} А двоих сынов моих, Ивана и Про-
копья, оставили в Москве на поруки; и они, бедные, мучи-
лись года с три, уклоняясь от смерти по властительскому
навету, где день, где ночь, — никто держать (у себя) не

182. Симбирский протопоп Никифор, не желавший служить по новоисправлен-
ным книгам, был расстрижен еще до собора 1666 г. единоличным решением
греческих патриархов Макария и Паисия, которые столкнулись с ним в Симбир-
ске на пути своего следования в Москву. Московский собор 1666—1667 гг. осу-
дил Никифора вместе с другими старообрядцами. Вскоре по прибытии в пусто-
зерскую ссылку протопоп Никифор умер (в 1668 г.).

183. Царский указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Никифора, Лазаря и Елифа-
ния был подписан 26 августа 1667 г. На следующий день Лазаря и Епифания
«казнили» на Болотной площади урезанием языков; 30 августа всех четверых
отправили по этапу. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря 1667 г.

смеет, — и кое-как на Мезень к матери прибрели. Не пожил и с год — ан и в землю попали.^{184*} Да пускай так, лучше пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно Бога о том молю: «Господи, хотим ли мы или не хотим, спаси нас!» И Господь творит свой промысл о нашем спасении помаленьку; только надо потерпеть — пригодится когда-нибудь, тогда слюбится, как время придет.

Я же из Пустозерья послал к царю два послания,^{185*} — одно невелико, а другое больше: говорил кое о чем ему много. В послании ему сказал и о Божьих знамениях, показанных мне не в одно время, — читавший да разумеет. А еще от меня и от братии дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинец — книга «Ответ православных»,^{186*} и от Лазаря-священника два послания: царю и патриарху.^{187*}

184. Поручная запись с сыновей Аввакума Ивана и Прокопия была взята 20 сентября 1666 г. «Прибрели» они из Москвы на Мезень летом 1669 г., а весной 1670 г. (в марте, после казни юродивого Федора и Луки Лаврентьевича) вместе с матерью были заключены в земляную тюрьму.

185. Аввакум имеет в виду свои так называемые Четвертую и Пятую челобитные царю Алексею Михайловичу. В Четвертой челобитной (1668) он извещал царя о смерти протопопа Никифора и просил отпустить из Москвы на Мезень своих сыновей. В Пятой (1669) обличал царя и рассказывал ему о своих видениях, говорил о его ответственности за сохранение старой веры.

186. «Ответ православных» — важнейшее полемическое сочинение в защиту старой веры, написанное от лица всей пустозерской братии дьяконом Федором к началу 1669 г.

187. Лазарь написал послания царю и патриарху в феврале 1668 г., но их долго не отсылали в Москву, так как тогдашний воевода Пустозерска Иван Неелов

И за все сие присланы к нам гостинцы: повесили в дому моем на Мезени на виселице двух человек, детей моих духовных: Феодора, преждепомянутого юродивого, да Луку Лаврентьевича^{188*} — рабы Христовы, светы мои, были. И сынов моих двоих Ивана и Прокопья тоже велено повесить. Да они, бедные, испугавшись смерти, повинились: «Виноваты пред Богом и пред великим государем», а неведомо, в чем виноваты. Так их вместе с матерью троих закопали в землю — и правильно сделали, спаси Бог! Того ради, ребята: не бойтесь смерти, держите старое благочестие крепко и непогрешимо! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради умирать и жила бы, не развешивая ушей. А то баба, бывало, нищих кормит, сторонних научает, как слагать персты и крестить-

хотел их «вычитать», прежде чем отправлять адресатам, Лазарь же не давал на это согласия. По словам дьякона Федора, отец Лазарь написал эти послания «страшно и дерзновенно зело — суда на еретиков просил». В послании царю Лазарь не только просил, но и грозил: «И аще мы <...> мучимы есмы всяко и казними, в тесных темницах затворены <...> и о сем, царю, будут судиться с тобою прародители твои и прежняя цари и патриархи <...> к сим же и святии отцы». В феврале 1670 г. послания Лазаря были наконец отосланы в Москву.

188. Казнь в Мезени состоялась в марте 1670 г. Юродивый Федор пришел из Москвы на Мезень, видимо, вместе с сыновьями Аввакума, зимой 1668/1669 г. (см. упоминание о нем как о присутствующем на Мезени в письмах боярыни Морозовой и Аввакума). Федор был одним из «связных» Аввакума с внешним миром (см. в письме Аввакума к своей семье: «В Соловки те Феодор хотя бы подъехал, письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал»). Очевидно, и юноша Лука Лаврентьевич тоже каким-то образом был причастен к распространению учения своего духовного отца и тем навлек на себя казнь.

ся и творить молитву, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиной заодно умерли Христа ради.

Ну да Бог вас простит, не дивно, что так сделали, и Петр-апостол некогда убоялся смерти и от Христа отрекся, но о сем плакался горько,^{189*} и после того помилован и прощен был. А и я о вас когда молился крепко, увидал вашу пред собою темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненные к небесам стоят простерты. Я с тех пор обрадовался, и легче мне стало, что покаяние ваше принял Бог. Слава за это Богу!

Потом тот же Пилат, полуголова Иван Елагин,^{190*} был у нас в Пустозерье и взял у нас сказку,^{191*} сказано так: год и месяц, и еще: «Мы святых отцов предание держим неизменно, а Паисия, Александрийского патриарха, с товарищами еретическое соборище проклинаем»; и другое там говорено многоныко, и Никону-еретику досталось.

После того привели нас к плахе и прочитали указ: «Велел-де государь и бояре приговорили: тебе, Аввакуму, вместо смертной казни устроить сруб в земле и, сделав

189. См. Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:56–62; Ин. 18:25–27.

190. Стрелецкий подполковник Иван Елагин в 1661–1663 гг. был воеводой на Мезени; затем нес службу в стрелецком полку, в личной охране царя, и в конце февраля 1670 г. был послан из Москвы для разбирательства и казней на Мезень и в Пустозерск. Вскоре после своей пустозерской миссии получил повышение — звание головы стрелецкого полка.

191. Эта «сказка» в данный момент неизвестна.

окошко, давать хлеб и воду, а прочим (твоим) товарищам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «Я, говорю, плюю на его кормлю, без еды умру, а не предам благоверия». И после этого повели меня в темницу, и не ел дней с десятков, да братья велели.

Затем священника Лазаря взяли и вырезали ему язык из горла; кровь попошла да и перестала; он в то время и без языка снова говорить стал. Потом, положив правую руку его на плаху, по запястье отсекали ее, и рука отсеченная, лежа на земле, сложила сама по обычаю персты и долго лежала пред народом, исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителя не изменно. Мне и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третий день у Лазаря во рту рукою моею гладил — ан гладко, языка нет, а не болит, дал Бог; а говорит, как и прежде. Смеется надо мною: «Щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось не откушу!» И смех с ним, и горе! Я говорю: «Чего щупать, на улице язык бросили». И он на то: «Собаки они, вражьи дети! Пускай мои едят языки!» Первые у него и у старца в Москве легче резаны были, а ныне тяжело гораздо. А через два года и опять другой язык вырос, чудно, с первый же величиною, лишь маленько тупенек.

Потом взяли соловецкого пустынника старца Епифания; он же молил Пилата слезно и зело умильно, чтобы повелел отсечь ему голову с плеч, ради веры и исполнения закона. Пилат же сказал ему в ответ: «Батюшка, тебя упокоить, а самому куда мне деться? Не смею, государь, так сделать». И не послушал полуголова старцева моления, не отсек головы его, но повелел язык его весь тоже

вырезать.

Старец же, перекрестив лицо свое, сказал, на небо взирая: «Господи, не оставь меня грешного!», и вытянув своими руками язык свой, положил палачу на нож, чтобы не милуя его резал. Палач же, дрожа и трясясь, насилу выколупал ножом язык из горла, ибо ужас охватил его и стал он дрожать.^{192*} Жалея старца, хотел палач его руку по суставам резать, чтоб зажило потом скорее; старец же, ища себе смерти, поперек костей велел отсечь, и отсеки четыре перста. Сперва говорил он гугниво. Потом молил пречистую Богоматерь, и показаны ему были оба языка, московский и пустозерский, на воздухе; он же один взял и положил его в рот свой; и с тех пор стал говорить чисто и ясно, и язык целый оказался во рту.

Потом взяли дьякона Феодора и тоже язык весь вырезали, остался кусочек в горле малёнек, наискось отрезан, не из милости, а потому, что руки не послужили, — от дрожи и тряски нож из рук валился. Тогда в той мере и зажил, а после и снова с прежний вырос, лишь маленько тупенек. Во знамение Бог так устроил, чтобы понятно было не верящим, что был отрезан. Мы, верующие, и без знамения верим старому Христу Иисусу, Сыну Божию, свету, и врученное нам от святых отцов старобытное предание в Цер-

192. В рукописи этот текст Аввакума был заклеен иноком Епифанием и исправлен его рукою на следующий: *И в то время Божиим промысломъ прииде на него нѣкое забвение, яко сонъ, и не почувѣ рѣзанія языка своего, только вмаль-вмаль нѣкакъ ощутилъ, яко во снѣ, рѣзаніе языка своего безболѣзненно, благодатию Христовою оспяемо.*

кви держим неизменно; а кому еще не сполна понятно, тот смотри на знамение и подкрепляйся.

У него же, у дьякона, отсеки и руку поперек ладони, и всё, дал Бог, здорово стало; по-прежнему говорит ясно и чисто. И у него тоже в другой раз язык был резан, в Москве меньше нынешнего резано было. Пускай никониане, бедные, кровью нашею питаются, будто мед испивая!

Потом засыпали нас землею: сруб в земле, и еще вкруг каждого другой сруб, и еще вкруг всех общая ограда за четырьмя замками; стражей же десятеро с человеком стерегут темницу.^{193*}

Мы же здесь, и на Мезени, и повсюду сидящие в темницах, поем пред Владыкою Христом, Сыном Божиим, Песнь Песней, что Соломон воспел, смотря на мать Вирсавию: *«Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучей; и вся ты в красоте сияешь, яко день в силе своей! Аминь»*.^{194*} Хвала Церкви.

Засим, у всякого правоверного прощения прошу. Иное бы, кажется, и не надобно было говорить, да прочел Деяния апостольские и Послания Павла, — апостолы о себе возвещали же, когда что Бог соделает в них. Не нам, Богу нашему слава! А я — ничто. Сказал и еще скажу: аз есмь грешник, блудник и хищник, друг мытарям и грешникам

193. Ср. Деян. 12:6.

194. Ср. Песн. 1:14; 4:1–7.

и предо всяким человеком окаянный лицемер. Простите же и молитесь о мне, а я — о вас, читающих сие и слушающих. Неученый я человек и несмыслён гораздо, по-другому жить не умею, что творю, то людям и сказываю; пускай Богу молятся обо мне. В день кончины века узнают же все о содеянном мною, добро то или зло. Но хоть и неучен я словом, но не разумом; неучен диалектике, и риторике, и философии, а разум Христов в себе имею, как и апостол глаголет: *«Хоть я и невежда словом, но не разумом»*.^{195*}

Еще вам про невежество свое скажу. Сглупил я, отца своего (духовного) заповедь преступил, и за то дом мой наказан был. Внимай, Бога ради, и молись о мне.

Когда еще я был попом, духовник царев Стефан Вонифатьевич благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина,^{196*} — себя пользоваться, читая, и людей. А я, окаянный, оставив без внимания благословение отеческое и наказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке его, на лошадь променял. у меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимий, зело грамоте был горазд и к церкви великое прилежание имел, напоследок взят был к большой царевне в Верх,^{197*} а в мор вместе

195. 2 Кор. 11:6.

196. Впервые книга поучений Ефрема Сирина (IV в.) вышла в свет на Московском печатном дворе в 1647 г. Следующее издание появилось только в 1667 г.; следовательно, Стефан Вонифатьев благословил Аввакума первым печатным изданием этой книги.

197. Т. е. к старшей сестре царя Алексея Михайловича, царевне Ирине Михай-

с женою преставился. Сей Евфимий лошадь сию поил и кормил и гораздо об ней пекся, пренебрегая и правилом многажды.

И Бог, видя в нас с братом неправду, что нехорошо поступаем: я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило позабыв, о скотине печется, — изволил нас Владыка так наказать. Лошадь ту по ночам и в дневное время в конюшне стали бесы мучить: всегда заезжена, мокра и еле стала жива. Я недоумеваю, по какой причине бес изводит нас так. И в день воскресный после ужина, в келейном правиле на полунощнице, брат мой Евфимий читал кафизму «Непорочную»^{198*} и завопил высоким гла-сом: *«Призри на мя и помилуй мя!»*^{199*} и, выпустив книгу из рук, ударился оземь, от бесов поражен, начал истощно кричать и вопить, понеже бесы жестоко мучили его.

В дому же моем другие родные два брата, Козьма и Герасим, больше его, а не смогли его держать. И все домашние, человек с тридцать, держат его, плачут пред Христом и, молясь, кричат: «Господи, помилуй! Согрешили пред тобою, прогневали Благодать твою! По молитвам святых отцов наших помилуй юношу сего!» А он пуще бесится, и бьется, и кричит, и дрожит.

Я же, с помощью Божией, в то время не смешался от

ловне, которая покровительствовала Аввакуму и в сибирской его ссылке.

198. Т. е. 17-ю кафизму Псалтыри, начинающуюся словами «Блаженни непорочнии...».

199. Пс. 118:132.

той сумятицы бесовской, — окончив правило обычное, снова начал Христу и Богородице молиться со слезами, глаголя: «Всегосподственная госпожа Владычица моя пресвятая Богородица! Покажи мне, за которое мое согрешение таковое мне наказание, дабы уразумев и раскаявшись пред Сыном твоим и пред тобою, впредь того не стал бы я делать!» И плача послал в церковь за Потребником и за святой водою сына моего духовного Симеона, юношу лет четырнадцати, таков же, что и Евфимий; дружно меж собою жили Симеон с Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляя и радуясь, подвизаясь крепко в посте и молитве.

И тот Симеон, по друге своем плача, сходил в церковь и принес книгу и святую воду. И начал я творить над обуеваемым молитвы Василия Великого. Тот же Симеон мне кадило и свечи подносил и воду святую, а другие беснующегося держали. И когда в молитве дошло до слов: *«Аз тебе именем Господним повелеваю, дух немой и глухой, изыди от создания сего и впредь не входи в него, но иди на пустое место, где человек не живет, но только Бог призирет»*,^{199а*} бес же не слушает, не идет из брата. И я снова те же слова в другой раз, а бес снова не слушает, пуще мучит брата.

Ох, горе, как вымолвить! И стыжусь, и не смею! Но по повелению старца Елифания говорю, раз уж о том он приказал написать. Так было: взял я кадило и покадил образа

199. Аввакум припоминает здесь слова молитвы Василия Великого над «обуеваемым от духов нечистых».

и бесноватого, и потом ударился о лавку и рыдал долго. Поднявшись, в третий раз те же Васильевы слова закричал к бесу: «Изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, понатужившись, изошел и сел на окошко. Брат же сделался как мертвый.

И я покропил его святой водою, а он, очнувшись, перстом мне на окошко, на беса сидящего, указывает, а сам не говорит, связался язык его. И я покропил водою окошко — и бес сошел в придверный угол. Брат же снова за ним перстом указывает. Я и там покропил водою — и бес оттуда пошел на печь. Брат же и там его показывает — а я и там той же водою. Брат указал под печь, а сам перекрестился. И я не пошел за бесом, но напоил брата во имя Господне святой водою.

И он, вздохнув из глубины сердца, так мне проглаголал: «Спаси Бог тебя, батюшка, что ты меня отнял у царевича и у двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Бог, который ходил в церковь по книгу и по воду ту святую, пособлял тебе с ними биться, обличьем он что и Симеон, друг мой. Подле реки Сундовика^{200*} меня водили и били, а сами говорят: „Нам-де ты отдан за то, что брат твой на лошадь променял книгу, а ты ее любишь“; так-де мне надобно сказать Аввакуму-брату, чтоб книгу ту назад взял, а за нее бы дал деньги двоюродному брату».

И я ему говорю: «Я, говорю, свет, брат твой Аввакум!»

200. Правый приток Волги.

А он отвечал: «Какой ты мне брат! Ты мне батька! Отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет, будет тебе бить челом». Вот ведь, в избе вместе с нами на Лопатищах, а кажется ему — подле реки Сундовика. А Сундовик верст с пятнадцать от нас под Мурашкином да под Лысковом течет. И я еще ему дал святой воды. Он же и сосуд у меня отнимает и съесть его хочет: сладка ему вода! Кончилась вода, я ополоснул (сосуд) и давать стал, — он и не стал пить.

Ночь всю зимнюю с ним я простряпал; маленько полежал с ним и пошел в церковь заутреню петь. А без меня снова бесы на него напали, но легче прежнего. Я же, придя из церкви, освятил его маслом, и опять бесы ушли, и умом здрав стал, но ослабел, бесами изломан. На печь поглядывает и страшится. Когда же я куда отлучусь, тут бесы и досаждают ему станут. Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, покуда книгу не взял и деньги за нее не отдал. И ездил я к Другу своему Иллариону-игумену,^{201*} он просвиру вынул за брата, тогда хорошо жил, что ныне архиепископ Рязанский, мучитель стал христианский. И другим друзьям духовным бил я челом о брате. И умолили о нас Бога.

Таково-то зло преступление заповеди отеческой! Что же будет за преступление заповеди Господней? Ох-да только огонь да мука! Не знаю, как коротать дни, слабо-

201. См. примеч. 154*. Иларион Рязанский, постриженник Макариева Желтоводского монастыря, был с 1649 по 1656 г. игуменом этого монастыря; значит, молиться за брата Аввакум ездил к нему в Макарьевский монастырь.

умием объят, и лицемерием, и ложью покрыт, братоненавидением и самолюбием одет, во осуждении всех людей погибаю. Мню себя чем-то быть, а сам есть кал и гной, окаянный, прямое говно, отовсюду воняю — и душою, и телом. Хорошо мне жить с собаками и со свиньями в конурах, так же и они воняют. Да псы и свиньи — по естеству, а я — вопреки естеству, от грехов воняю, как пес мертвый, валяющийся на городской улице. Спаси Бог властей тех, что землю меня закрыли! Себе уж воняю, злые дела творя, да других не соблазняю. Ей, добро так!

Да и в темницу ко мне бешеный зашел, Кириллушкой звали, московский стрелец, караульщик мой. Остриг я его и платье переменял, — зело вшей было много. Замкнуты, двое нас с ним, живем, да Христос с нами и пречистая Богородица. Он, миленький, бывало, сцят под себя и серет, а я его очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. у правила стоять не захочет, — дьявол сон ему наводит, — а я четками постегаю, так и молитву творить станет и кланяется, за мною стоя. А когда правило закончу, он и снова бесноваться станет. При мне беснуется и шалует, а когда пойду к старцу посидеть в его темницу, а Кирилла положу на лавке и не велю вставать ему и благословлю его, так покамест у старца сию, лежит и не встанет, по молитвам старцевым, Богом привязан, лежа беснуется. А в головах у него образа, и книги, и хлеб, и квас, и прочее, а ничего без меня не тронет. Как приду, так встанет, и дьявол, мне досажая, блудить заставляет. Я закричу, так и сядет. Когда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а когда перед обе-

дом «Отче наш» проговорю и еду благословлю, так того брашна и не ест, неблагословенного просит. И я ему напихаю насильно в рот, так и плачет, и глотает. А как рыбу покормлю, так бес в нем взбунтуется, а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» И я, плача пред Владыкою, опять свяжу его постом и укрошу Христом. Потом маслом его освятил, и бес отпустил его.

Жил он со мною с месяц и больше. Перед смертью образумился. Я исповедал его и причастил, он же после того и преставился. Я гроб и саван купил и велел у церкви погребсти его, и сорокоуст по нем дал. Лежал у меня мертвый сутки в тюрьме. Я, ночью встав, Бога помолю и его, мертвого, благословлю и поцелуюсь с ним, и опять лягу подле него спать. Товарищ мой, миленький, был. Слава Богу о сем! Нынче он, а завтра я также умру.

Да еще был у меня в Москве бешеный, Филиппом звали, как я из Сибири приехал, в углу в избе прикован к стене, понеже в нем бес был суров и жесток. Бился он и дрался, и не могли домашние сладить с ним. Когда же я, грешный, с крестом и с водою приду, в повиновение приходит и замертво падает пред крестом, и ничего не смеет делать со мною. И молитвами святых отцов сила Божия отогнала беса от него; но только ум был еще несовершен. Феодор-юродивый был приставлен к нему, что на Мезени отступники удавили веры ради старой во Христа, — Псалтырь над Филиппом говорил и учил его молитву говорить. А я сам днем отлучался из дома своего, только ночью занимался с ним.

Как-то раз пришел я от Федора Ртищева зело печален,

понеже с еретиками бранился и шумел в дому его о вере и о законе.^{202*} А в моем дому в то время учинилось нестроение: протопопица с домочадицею Фетиньею побранились, дьявол ссорил не из-за чего. И я, придя, не утерпев, стал бить их обеих и огорчил их гораздо в печали своей. Да и всегда-таки я, окаянный, когда рассержусь, драться лихой. Горе мне за сие, согрешил пред Богом и пред ними.

Тут-то бес в Филиппе озверел, и стал он кричать и вопить и цепь ломать, бесясь. На всех домашних ужас напал, и переполох был зело велик. Я же, без покаяния, приступил к нему, хочу его укротить. Но вышло не по-прежнему: ухватил он меня и стал бить и драть. И всячески, будто паутину, терзает меня, а сам говорит: «Попал ты мне в руки!» Я только молитву говорю, да без дел и молитва не пользует никак. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдался: вижу, что согрешил, пускай меня бьет.

Но чуден Господь! Бьет, а ничего не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «Не боюсь я тебя!» Так мне зело горько стало: бес, говорю, надо мною волю взял. Полежал маленько, собрался с совестью, вставши, жену свою сыскал и пред нею стал просить прощения. А сам ей, кланяясь в землю, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна, прости меня грешного!» Она мне тоже кланяется. После того и у Фетиньи таким же образом просил прощения. Потом среди горницы лег и велел каждому человеку бить меня, по пяти ударов плетью по окаянной спине; человек

202. См. примеч. 127*.

было десяток-другой, и жена, и дети, стегали за епитимью. И плачут, бедные, и бьют, а я говорю: «Если кто меня не бьет, тот да не получит со мною общей участи и жребия в будущем веке». И они, и не хотя, бьют, а я ко всякому удару по молитве Иисусовой говорю.

Когда же отбили все, я, поднявшись, прощение у них испросил. Бес же, видя неминуемую, опять из Филиппа вышел вон. Я крестом Филиппа благословил, и он по-старому хорош стал, и после того Божией благодатью и исцелился о Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава со Отцом и со Святым Духом ныне и присно и во веки веком.

А когда я еще в Сибири в Тобольске был, туда еще везли, привели ко мне бешеного, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в Велик день,^{203*} праздник поругав, да и взбесился, жена его сказывала. И я в дому своем держал его месяца с два, докучал об нем Божеству, в церковь водил и маслом освятил, — и помиловал Бог: здрав стал и умом исцелился.

И стал он со мною на крылосе петь, а грамоте не учен, и досадил мне в литургию во время переноса. Я же его в то время, на крылосе побив, в притворе пономарю велел к стене приковать. А он, выломав пробой, взбесился и пуще прежнего; и уйдя к большому воеводе^{204*} на двор, людей разогнал и, сундук разломав, платье княгинино на себя вздел — и в верху у них празднует, будто добрый

203. *Велик день* — Пасха.

204. См. примеч. 71*.

человек. Князь же, из церкви придя и осердясь, велел многими людьми в тюрьму его оттащить. А он в тюрьме узников, бедных, перебил и печь разломал. И князь велел его в село к своим отослать, где он живал. Он же, ходя по деревням, пакости многие творил. Все бегают от него, а мне его воеводы не дают, осердясь.

Я по нем пред Владыкою всякий день плакал: Бог было исцелил, да я сам погубил. Потом пришла грамота с Москвы: велено меня на Лену из Тобольска сослать.^{205*} Когда я на реку в Петров день в дощаник собрался, пришел ко мне бешеный мой Феодор целоумен; в дощанике при народе кланяется мне в ноги, а сам говорит: «Спаси Бог, батюшка, за милость твою, что пожаловал, помиловал меня. Бежал-де я в безлюдном месте третьего дня, а ты-де мне явился и благословил меня крестом; бесы-де и отбежали от меня. И я-де и ныне, придя, снова у тебя молитвы и благословения прошу». Я же, окаянный, поплакал, глядя на него, и возрадовался о величии Бога моего, понеже обо всех печется и никого не оставляет без своего промысла Господь: его исцелил, а меня возвеселил. И поучив его и благословив, отпустил его домой к жене. А сам поплыл в ссылку, моля о нем света-Христа, да сохранит его от злого духа впредь. Богу нашему слава!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы меня понудили об этом говорить.

Однако уж развякался, — еще вам поведаю историю.

205. См. примеч. 78*.

Еще я в полах был, там же, где брата бесы мучили, была у меня в дому молодая вдова, давно уж, и имя ей забыл, помнится, как бы не Евфимьей звали, — ходит и стряпает, все делает хорошо. Как станем вечером правило начинать, так ее бес ударит о землю, омертвеет вся и как камень станет, кажется, и не дышит; растянет ее на полу, и руки, и ноги, лежит как мертвая. Я, «О, всепетую»^{206*} проговорив, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Великого Василия в то время говорю, так голова под крестом свободна станет, баба и заговорит. А руки, и ноги, и тело еще каменные. Я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я так же по другой — и другая освободится так же; я и по животу — так баба и сядет. Ноги еще каменны, не смею там гладить крестом. Думаю-думаю, да и ноги поглажу — баба и вся свободна станет; поднявшись, Богу помолясь, да и мне — челом. Прокуд-таки — бес или что другое — в ней был, много времени так в ней играл. Маслом я ее освятил, так он и вовсе отошел, — исцелилась, дал Бог.

А раз два Василия бешеных были у меня прикованы, дивно и говорить про них.

А еще сказать ли, старец, тебе историю? С соблазном, кажется, да уж сказать — не пособить. В Тобольске была девица у меня, Анною звали, как вперед еще ехал, малёнка из полону от кумыков привезена, девство свое непорочно соблюла. В совершенном возрасте отпустил ее

206. Последний кондак из Акафиста Богородице начинается словами «О, всепетая Мати...».

хозяин ко мне; зело праведно и богоугодно жила. Позавидовал дьявол добродетели ее, навел на нее печаль о Елизаре, о первом хозяине ее. И стала она плакать по нем, потом и правило презирать, и мне стала во всем перечить, а дочь мне духовная. Многожды во время правила и не молясь простоит, дремлет, прижав руки. Благоискусный же Бог, наставляя ее, попустил бесу войти в нее: стоит с леностью во время правила да вдруг взбесится. Я же, грешный, жалея ее, бывало крестом благословлю и водою покроплю, бес и отступит от нее. И так было многожды.

Однажды в правило, задремав, повалилась она на лавку и уснула. И не пробуждалась три дня и три ночи: когда-никогда вздохнет. Я же время от времени кажу ее, думаю, умрет. В четвертый же день встала и, севши, плачет. Есть дают — не ест и не говорит. Того же дня вечером, проговорив правило и отпустив всех, во тьме начал я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступив ко мне, пала и поклонилась до земли. Я же от нее отошел за стол, боясь искушения дьявольского, и сел на лавку, молитвы говоря. А она, к столу приступив, говорит: «Послушай, государь, велено тебе сказать». Я и слушать стал. Она же, плача, говорит: «Когда-де я, батюшка, на лавку повалилась, приблизились ко мне два ангела и взяли меня и повели зело тесным путем. На левой стороне слышала я плач с рыданием и голоса жалостные. Потом-де привели меня в светлое место: жилища и палаты стоят. И одна палата всех больше и ярче всех сияет красно. Ввели-де меня в нее, а в ней-де стоят столы, а на них постлано бело и блюда с яствами стоят. В конце-де стола дерево развеси-

стое повеваает ветвями, прекрасное, а из него — птичьи голоса зело умильные, не могу про них и рассказать ныне. Потом-де меня вывели из палаты; идучи, спрашивают: „Знаешь ли, чья палата сия?“ И я-де отвечала: „Не знаю, пустите меня в нее“. А они мне на это отвечали: „Отца твоего Аввакума палата сия. Слушай его, так-де и ты будешь с ним. Крестись, так персты слагая, и кланяйся Богу, как тебе он наказывает. А не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где слышала плач тот. Скажи же отцу своему, мы не бесы, мы ангелы, смотри — у нас и папарты“. И я-де, батюшка, смотрела: бело у ушей-то их».

После того, испросив прощения, стала она благочинно по-прежнему жить. Потом из Тобольска сослали меня в Даурию, и я у сына духовного оставил ее тут. А дьявол опять сделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. Когда услышала, что я еду назад, отпросясь у мужа, постриглась за месяц до меня.

А когда замужем была, временами бес мучил ее. Когда же в Тобольск я приехал, пришла она ко мне и ребятишек двоих положила передо мной, каяся, плачет и рыдает. Я же перед людьми кричу на нее. Потом к обедне за мною в церковь пришла, и во время переноса напал на нее бес: начала кричать кукушкою и собакою и козою блекотать. Я же, сжалившись, покинув петь «Херувимскую», взял крест из алтаря и на беса закричал: «Запрещаю тебе именем Господним! Изыди из нее и впредь не входи в нее!» Бес и оставил ее. Она же припала ко мне за туже вину. И я ее простил и крестом благословил, и стала она здорова душой и телом. Потом и на Русь я вывез ее. Имя ей во инокинях

Агафья, страдала много веры ради с детьми моими, с Иваном и Прокопьем, их в Москве, всех вместе, оставленных на поруки, Павел-митрополит волочил.^{207*}

Еще же ко мне, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, страдавших грыжею. И мои детки когда тоже страдали в младенчестве грыжною болезнью, я помажу им маслом священным с молитвою пресвитерскою все чувства и, на руку масла положив, вытру болящему спину и животик, — и Божьею благодатью грыжная болезнь и минует. А если у которого младенца повторится та же болезнь, то я так же сотворю, и Бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А когда я еще попом был, в самом начале, когда стал я к подвигу прикасаться, тогда бес меня так пугивал. Занемогла у меня жена сильно, и приехал к ней отец духовный; я же с вечера пошел со двора в церковь за книгой, по которой исповедывать больную, дело было глубокой ночью. И когда пришел на паперть, столик маленький, что был тут поставлен, поскакивает и дрожит бесовским действием. И я, не устрашась, помолился пред образом и осенил его рукою, и, подойдя, поставил его на место, так

207. Когда сыновья Аввакума Иван и Прокопий попались властям при попытке повидаться с отцом в Николо-Угрешском монастыре (см. примеч. 152*), их допрашивали о некоей старице-татарке, как можно догадаться, тоже посещавшей Аввакума в его угрешской темнице. Значит, это и была духовная дочь Аввакума кумычка Анна, во иночестве Агафья. Ивана и Прокопия как раз после этого ареста «волочили за поруками», вероятно, вскоре после них была схвачена и Агафья.

и перестал скакать. А когда я вошел в трапезную, тут другая бесовская игрушка: мертвец на лавке стоял в трапезной непогребенный, и бесовским действием верхняя доска раскрылась и саван стал шевелиться на мертвом, меня утешая. Я же, помолясь Богу, осенил мертвого рукою, и снова стало по-прежнему. Когда же вошел в алтарь, — анризы и стихари шумят и летают с места на место: дьявол действует, меня утешая. И я, помолясь и престол поцеловав, благословил ризы рукою и, подойдя, их ощупал, а они висят по-старому на месте. И я, взяв книгу, вышел из церкви с миром. Таковы-то бесовские проделки над людьми.

Еще скажу вам о жертве никонианской. Когда я сидел в темнице, принесли мне просвиру вынутую с крестом Христовым. Я же, соблазнясь, взял ее и хотел употребить наутро, думал, чистая; православная над нею была служба, понеже поп старопоставленный служил над нею. А до того тот поп по новым служил книгам и потом снова стал служить по-старому, не покаившись в своей блудне.

Положил я просвиру в углу на месте и кадил во время правила вечером. Когда же улегся я в ночь ту и умолкли уста мои после молитвы, прискочил ко мне бесовский полк, и один, щербат, красен, взял меня за голову и говорит: «Иди-ка ты сюда, попал ты в мои руки!» — и свернул мне голову. Я же, томясь, еле-еле проговорил Иисусову молитву, и отскочили и исчезли бесы. А я, стеная и охая, не понимаю, за что меня бес мучил. Помолясь Богу, опять я улегся. Когда же забылся, вижу на некоем месте церковь, и образ Спасов и крест, по-латынски написаны; и латын-

щики, не по-нашему творя поклоны, молятся по-латынски. И мне некто из предстоящих велел крест тот поцеловать. И когда я поцеловал, напали на меня снова бесы и сильно меня умучили. Я после них поднялся совсем расслаблен и разломан, не могу и сидеть; уразумел, что из-за просвиры бесами поруган, выложил ее за окошко и ночь ту и день провел в немощи и болезни, размышляя, что мне делать с просвирой.

Когда же пришла другая ночь, улегся я после правила и, не спя, молитвы говорю. Вскочил бесовский полк в келью мою с домрами и с гудками, и один сел на месте, где просвира лежала. И начали они играть на гудках и домрах, а я их слушаю, лежа; меня уж не тронули, и исчезли. Я после них поднялся и, молясь Богу со слезами, обещался сжечь просвиру ту. И пришла на меня благодать Духа Святого; словно искры огня невестственного пред очами моими блистали, и сам я в тот час стал здоров, по благодати духовной сердце мое наполнилось радостью. Затопил я печь и сжег просвиру, выкинул и пепел за окошко и сказал: «Вот, бес, „твоя от твоих“ тебе в глаза бросаю!»

И на другую ночь один бес, в хижину мою войдя, походив и ничего не обретя, только четки из рук моих вышиб, и исчез. Я же, поднявши четки, снова начал молитвы говорить. И в другое время, среди дня, на полу в поддыменьи лежа, опечалился я из-за креста, что на просвире сжег, и от печали запел стих на глас третий: *«И печаль мою пред*

ним возведу»,^{208*} а бес в то время на меня вскричал до боли громко. Я же, ужаснувшись, снова начал молитвы говорить. Потом, в другую ночь, забывшись, из-за креста того я снова опечалился и уснул; и напали на меня бесы, и снова умучили меня, как и прежде. И я, расслаблен и изломан, насилу жив, с доски свалился на пол и, моля Бога и каясь о своем безумии, проклял отступника Никона с никониянами, и книги их еретические, и жертву их, и всю службу их, — и благодать Божия снова сошла на меня, и здрав стал.

Смотрите, люди, каково опасно бесовское действо христианам! А когда бы съел я просвиру ту, так бы меня, чай, и задавили бесы. От малого их никонианского освящения такая беда, а от большого — агнца причастившись — что получишь? Только вечную муку. Лучше умереть не причастившись, чем, причастившись, осужденным быть!

О причастии святых Христовых непорочных Тайн. Всякому в нынешнее время подобает с опасеньем жить и не без рассмотрения причащаться Тайнам. Если из-за гонения не получишь священника православного, то имей у себя от священнослужения православных запасные дары, и, обрета духовного брата, хоть бы и не священника, исповедайся ему, пред Богом каясь. И по правиле утреннем на коробочку постели платочек, пред образом зажги свечку, и на ложечку водицы устрой на коробке и в нее положи часть Тайны; и, покадив кадилом, приступи со сле-

208. Пс. 141:3.

зами, глаголя: *«Се приступаю к Божественному причащению, Владыка, да не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны, огонь бо, — рекл еси, — недостойных опалаяй. Се предлежит Христос на пищу всем, мне же прилеплятися Богу благо есть и полагать на Господа упование спасения моего. Аминь»*.^{209*} И после этого причастись с сокрушенным сердцем и опять воспой благодарение Богу, и поклонцы по силе, прощение к брату. Если ты один, то пред образом, пав на землю, говори: *«Прости меня, Владыка Христе Боже, елико согрешил»*,^{210*} все до конца говори. И потом образ целуй и крест на себе. И прежде причастия тоже надобно образ целовать. Ну, прости же и меня, а тебя Бог простит и благословит. Вот хорош и умереть готов. Так, видал я, в правилах указано; твори так, не опасайся.

Еще тебе, старец, расскажу историю, как я был в Даурии с Пашковым с Афанасием на озере Иргене. Голодны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а иного и ничего нет, от голода кончаемся. Помолил я Бога, взял две сети и в протоке закинул. Наутро пришел, — ан мне Бог дал шесть яззей да две щуки. Все люди дивятся, потому никто ничего не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне Бог дал. Тут проведавший о том и исполнившийся зависти

209. Молитва, произносимая дьяконом в алтаре перед принятием причастия (см. Служебник).

210. Аввакум предлагает обратить к Господу Богу ту прощальную молитву, которую чтец говорит перед иереем на павечернице и полунощнице после обычного прощения священника перед братией (см. Часослов).

Пашков согнал меня с того места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне в насмешку и на поругание указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодыжку, — какая рыба, и лягушек нет! Тут мне зело было горько. А потом, подумав, я сказал: «Владыка Человеколюбец, не вода дает рыбу, а всё ты промыслом своим, Спас наш, устраиваешь на пользу нашу. Дай мне рыбки-той на безводном-том месте, посрами дурака того, прославь имя твое святое, да не рекут неверные: *«Где есть Бог их!»*^{211*} И помолясь, взяв сети, с детьми, в воде бродя, положили сети. Дети мне, бедные, кручинясь, говорят: «Батюшка, к чему гноить сети-те? Разве не видишь, и воды нету, какой быть рыбе?» Я же, не слушая их совета, на Христа уповая, сделал так, как захотелось.

И наутро посылаю детей к сетям. Они же мне отвечали: «Батюшка-государь, почто идти, какая в сетях рыба! Благослови нас, мы по дрова лучше сбродим». Мною же дух движет, — чаю в сетях рыбу. Осердясь на большого сына Ивана, послал его одного по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам, гораздо о том Христу докучаю. Когда пришли, — ан и чудно, и радостно обрели: полны сети напихал Бог рыбы, свившись клубком, лежат (сети) с рыбою в середке. И сын мой Прокопий закричал: «Батюшка-государь, рыба, рыба!» А я ему отвечал: «Постой, чадо, не так подобает, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда пойдем в воду».

211. См. Пс. 113:10.

И помолясь, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу Богу. И снова устроив сети на том же месте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы, на третий день — снова столько же рыбы. И слезно, и чудно то было время.

А на прежнем нашем месте ничего Пашкову не дает Бог рыбы. Он же, исполнясь зависти, снова послал (людей своих) ночью и велел сети мои в клочки изорвать. Что-петь с дураком поделаешь! Мы, собрав рваные сети, починив их тайно, на другом месте добывали рыбку и кормились, от него таясь. И сделали ез, Бог же и там стал рыбы давать. А дьявол (Пашкова) научил, и он велел тайно ез разломать. Мы, терпя Христа ради, опять его починили; и много раз это было. Богу нашему слава, ныне, и присно, и во веки веком. *Терпение убогих не погибнет до конца.*^{212*}

Слушай-ка, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро^{213*} к детям по рыбу — от двора верст с пятнадцать, там они с людьми промышляли — в то время, как лед треснул и меня напоил Бог; и, нагрузив у детей нарту большую рыбы, домой ее потащил маленьким детям, после Рождества Христова. И будучи посреди пути, изнемог, таща рыбу по земле, понеже снегу там не бывает, только морозы великие. Ни огня, ничего нет, ночь настигла. Выбился я из сил, вспотел, и ноги не служат. Верст с восемь до двора; рыбу бросить и так побрести — лисицы съедят, а домаш-

212. Пс. 9:19.

213. Озеро в Забайкалье, вблизи озера Иргень.

ние голодны; всё стало горе; а тащить не могу. Поташу сколько-то, ноги задрожат, да и упаду в лямке среди пути ниц лицом, что пьяный; потом, озябнув, встану и еще попойду столько же, и снова упаду.

Бился я так долго, с половину ночи. Скинул с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую тонкую тафтяную беличью шубу и влез на вершину дерева, уснул. Свалившись, пробудился, — ан все замерзло, и базлуки на ногах замерзли, шубенка тонка, и весь я озяб. Увы, Авва-кум, бедная сиротина, как искра огня угасает и как неплодное дерево подсекается, сама смерть пришла. Взираю на небо и на сияющие звезды, там помышляю Владыку, а сам и перекреститься не могу: совсем замерз. Думаю, лежачи: «Христе, свете истинный, если ты меня от безвременного сего и нежданного часа не избавишь, нечего мне больше делать, как червь пропадаю!». И вот согрелось сердце мое во мне, ринулся я с места снова к нарте и на шею, не помню как, натянул лямку, опять потащил. Ан нет силки. Еще версты с четыре до двора, — бросил я, хоть и жаль, всё, побрел один. Тащился с версту да и повалился, совсем не могу; полежав, еще хочу побрести, ан ноги обмерзли, не могу подымать; ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем. На коленях и на руках полз с версту. Колени озябли, не могу владеть, опять лег. Уже двор и не так далеко, да не могу попасть; на гузне помаленьку ползу. Кое-как и дополз до своей конуры. у дверей лежу, промолвить не могу и отворить дверей тоже не могу.

К утру уже встали, уразумев, протопопица втащила меня, будто мертвого, в избу; жажда мне велика — напоила

меня водою, раздевши. Два ей горя, бедной, в избе стало: я да корова немощная — только у нас и животных было — упала на воде под лед, переломав кости, умирает, в избе лежа. В двадцать пять рублей нам стала эта корова, ребяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайловна ризы мне из Москвы и всю утварь для службы в Тобольск прислала,^{214*} и Пашков, на церковный обиход взяв, мне в счет этого коровку ту было дал; кормила нас с ребятами год-другой. Бывало, и с сосною, и с травою молочка того хлебнешь, так легче на брюхе.

Плача, жена, бедная, с детьми зарезала корову и вытекшую кровь из коровы дала наймиту-казаку, и он приволок нарту мою с рыбою.

За обедом я, за грехи мои, подавился — другая мне смерть! С полчаса не дышал, наклонясь, прижав руки, сидя. А не куском подавился, но крошечку рыбки положив в рот: вздохнул, вспомянув смерть, что ничто человек в житии сем, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много в спину, да и перестали; не вижу уж людей, и памяти не стало, зело горько-горько в то время было. Ей, горька смерть грешному человеку! Дочь моя Агриппина^{215*} была невелика, плакала долго, на меня глядя, и, никто ее не учил, — ребенок, разбежавшись, локтишками своими ударила в мою спину, — и запекшийся сгу-

214. См. примеч. 197*.

215. Агриппина родилась в конце 1645 или 1646 г. (см.: примеч. 67*). Вместе с родителями ей, как и другим детям Аввакума, довелось пережить и сибирскую, и мезенскую ссылки.

сток крови из горла выпал, и стал я дышать. Большие возились со мною долго, но без воли Божией не могли ничего сделать; а приказал Бог ребенку, и он, Богом направляем, пророка от смерти избавил. Гораздо невелика была, хлопочет около меня, будто большая, как в древности Юдифь об Израиле, или как Эсфирь о Мардохее, своем дяде, или как мудрая Девора о Бараке.^{216*}

Чудно гораздо сие, старец: промысел Божий ребенка наставил пророка от смерти избавить!

Дня с три у меня зелень горькая из горла текла, не мог ни есть, ни говорить. Сие мне наказание за то, чтоб я не величался перед Богом в совести своей, что напоил он меня среди озера водою. А то смотри, Аввакум: и ребенка ты хуже, и дорогою идучи, чуть было не пропал, не величайся, дурак, тем, что Бог сотворит во славу свою через тебя какое дело, прославляя свое пресвятое имя. Ему слава подобает, Господу нашему Богу, а не тебе, бедному, худому человеку. Писано во Пророках, так глаголет Господь: *Славы своей иному не дам.*^{217*} Сие сказано о лже-

216. Прекрасная израильтянка Юдифь прославилась спасением своего отечества Израиля от опустошения и завоевания ассирийскими войсками под предводительством военачальника Олоферна (см.: Иудифь 8–16); еврейка Эсфирь, супруга персидского царя Артаксеркса, спасла своего «дядю» Мардохея и весь народ израильский от истребления, задуманного царедворцем Аманом (см.: Есф. 4–8); Девора, пророчица и одна из судей израилевых, научила военачальника Барака, как победить ханаанеян и избавить Израиль от ханаанского ига (см.: Суд. 4: 4–16).

217. Ис. 42:8; 48:11.

христах, называющих себя Богом, и об иудеях, не исповедующих Христа Сыном Божиим. А в другом месте писано: *Славящих меня — прослаблю.*^{218*} Сие сказано о святых Божиих; кого хочет Бог, того прославляет.

Вот смотри, безумный, не сам себя величай, но от Бога ожидай; как Бог желает, так и строит. А ты-брат какой святой: из моря напился, а крошкою подавился! Если бы только Божиим повелением не избавил тебя от смерти ребенок, ты бы, что червь: был, да и нет! А величаешься, грязь худая: я-де бесов изгонял, то, сё делал, — а себе не мог помочь, если бы только не ребенок! Ну, помни же себя, что ты ничто, если не сотворит чего по милости своей Господь, ему же слава!

О сложении перстов.

Всякому правоверному подобает крепко персты слагая креститься, а не вялою рукою с нерадением осенять себя крестным знамением и бесов тешить. Но подобает на главу, и на брюхо, и на плечи класть руку с молитвою, чтобы тело слышало, и, умом вникая в сии тайны, креститься. Тайны тайн персты означают, так разумей. По преданию святых отцов подобает сложить три перста: великий, мизинец и третий, что подле мизинца, концы всех трех вкупе, — сие являет триипостасное Божество, Отца и Сына и Святого Духа; затем указательный и великосредний, два сии, сложить и один из двух, великосредний, немного наклонить, — сие являет Божий промысел о Божеском

218. 1 Царств 2:30.

и человеческом в Христе. Затем вознести (руку) на главу, — являет Ум нерожденный: Отец родил Сына, предвечного Бога, прежде веков вечных. Затем на пуп положить (руку), — являет воплощение Христа, Сына Божия, от святой Богоотроковицы Марии. Затем поднять на правое плечо, — являет Христово вознесение и одесную Отца сидение, а праведных стояние. Затем на левое плечо положить, — являет грешных от праведных отлучение и в муки прогнание на вечное осуждение.^{219*}

Так научили нас персты слагать святые отцы, Мелетий, архиепископ Антиохийский, и Феодорит блаженный, епископ Киринейский, и Петр Дамаскин, и Максим Грек.^{220*} Писано о сем во многих книгах, во Псалтырях, и в Кирилловой (книге), и в Книге о вере, и в Максимовой книге, и в книге Петра Дамаскина, и в житии Мелетиевом,^{221*} — везде одинаково святые о тайне сей по-вышесказанному толкуют.

И ты, правоверный, назидая себя страхом Господним, перекрестясь и пав (на колени), поклонись головой в землю, — сие являет Адамово падение. Когда же поднимешься, — сие являет восстание всех нас Христовым промы-

219. Это наставление Аввакума восходит к поучению из Соборания краткия науки о артикулах веры (Малый Катехизис).

220. См. примеч. 162*.

221. См. сказание о Мелетии, архиепископе Антиохийском, под 12 февраля в Великих Минях Четиих и Прологе. Здесь сказано, что, обличая арианскую ересь, архиепископ Мелетий во ознаменованье своей правоты благословил народ двоеперстием.

слом, — говори молитву, сокрушая свое сердце: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Потом твори по уставу и метания в землю, как Церковь прежде держала, опирайся руками и коленями, а голову до земли не доводи. Так Никон, Черной горы игумен,^{222*} в своей книге повелевает творить метания:^{223*} всякому свою плоть пометать ниц пред Богом подобает без лености и без гордыни, в церкви, и в дому, и на всяком месте. Изряднее же всего в Великий пост (подобает) плоть свою томить по уставу, да не воюет с духом. В праздники же, и в субботы, и в недели просто молимся стоя, поклоны по уставу творим поясные и в церкви, и в келье, наклоня голову до пояса, понеже праздника ради не утомляем плоть метанием, но без лености и без гордыни кланяемся в пояс Господу Богу и Творцу нашему. Ибо суббота есть день упокоения, в который Господь почил от всех дел своих, а неделя — (день) нашего общего восстания через Воскресение. Так же и праздники, торжествуя, празднуем, веселясь радостно и духовно.

Видишь ли, боголюбец, как у святых-тех положено с различием, — и спасительно, и покойно; не как у нынешних антихристова духа: и в Великий пост метания на колени класть, окаянные, не захотели из-за гордыни и лености.

222. Игумен монастыря Богородицы на Черной горе в Сирии (XI в.), автор книг «Пандекты» и «Тактикой» — сборников выдержек из творений отцов церкви, соборных постановлений и т. п.

223. См.: Книга Никона Черногорца. Острог. 1640. Слово 57 «О праздниках и о постех и о коленопреклонениях».

И чем всё это кончится? Разве что умерши станут кланяться прилежно; да мертвые уж на ногах не стоят и не кланяются, лежат все и ожидают общего восстания и по делам воздаяния. А мне видится, равны они уже мертвецам-тем: хотя и живы, но лишь наполовину живы и дела мертвецкие творят, срамно и говорить о них.

Еще они, бедные, мудрствуют тремя перстами креститься, большой, указательный и великосредний слагая в (знак) троицы, а не ведомо, какой, — скорее, той, про которую в Апокалипсисе Иван Богослов пишет: змей, зверь, лживый пророк.^{224*} Толкование: змеем называется дьявол, а лживый пророк — учитель ложный, папа или патриарх, а зверь — царь лживый, любящий обман и неправду.

Три сии перста ввел Фармос, папа римский, — благословлял и крестился ими. А бывший по нем Стефан, седьмой папа, выкопал его и предал поруганию, — отсек (у него) перст и бросил на землю. И расступилась земля, и поглотила перст. Потом отсек и другой (перст) и бросил, — и сделалась пропасть великая. Потом и третий отсек и бросил, — и изошел из земли смрад лютый, и начали люди от смрада задыхаться. Стефан же повелел и тело Фармосово в Тибр-реку кинуть, и, сложив персты свои по обычаю, благословил пропасть, — и сошлась земля вновь по-прежнему.^{225*} о том писано в летописце латынском,

224. См. Откр. 16:13.

225. Папа Фармоз занимал римский престол в 891–896 гг., в момент, когда резко обозначились разногласия между греческой и западной церквами, впоследст-

о котором в Книге о вере указано.^{226*}

Но хотя ревнитель Стефан и изобличил сию триперстную ересь, а однако римляне и доньше тремя перстами крестятся; потом и Польшу прельстили и все окрестные страны: немцев, и сербов, и албанцев, и венгров, и греков, — все прельстились. А ныне и наша Русь те же три перста возлюбила — учение Никона-отступника с дьяволом и Фармосом.

Да еще и новый адов пес выскочил из бездны у греков, безымянный Дамаскин-иподьякон, и вручил безумным грекам те же три перста, — толкует о Троице, отсекая вочеловечение Христово.^{227*} Чему быть, — выблядок того же римского костела, брат Никону-патриарху!

Да там же в греках какой-то, сказывают, протопоп Малакса повелевает архиереям и иереям благословлять рукою, сложив персты неким странным образом, «Исус

вии приведшие их к окончательному разделению в 1054 г. Папа Стефан (896—897) распорядился исторгнуть тело Фармоза из могилы, обвиняя его в узурпации папского престола. В русской православной традиции папа Фармоз воспринимается как виновник разделения церквей. Рассказ о Фармозе и его посмертном обличении приводился в Книге о вере. Кроме того, известна отдельная Повесть о папе Фармозе, к содержанию которой особенно близок Аввакум.

226. В Книге о вере рассказ о папе Фармозе дается со ссылкой на «Летописец латынской», т. е. на «Деяния церковные и гражданские», колоссальный труд по церковной истории католического историографа Цезаря Барония, изданный в Кракове в 1603 г.

227. Аввакум имеет в виду напечатанное в изданной Никоном в 1656 г. книге «Скрижаль» «Слово Дамаскина монаха, иподиакона и студита» в защиту троеперстия.

Христом».^{228*} Все дико: у давешнего врага — вочеловечения нет, а у сего Малаксы — святой Троицы нет. Чему быть, — время такое пришло: нечем им играть, кроме как Богом! Да что на них и сердиться! Писанное время пришло. Святой Ипполит и Ефрем Сирин, издавелека уразумеи о сем времени, так написали:^{229*} *«И даст им, скверный, печать свою вместо знамения Спасителя»*. Сие о трех перстах сказано.

Когда кто по своей воле сам себя печатает тремя перстами, у того ум темен бывает и не разумеет он истины, всегда помрачен из-за печати сей скверной.

Еще же и другое писано: *«И возложит им скверный и мерзкий знак на чело»*. Сие писано об архиерейском благословении, которое ввел Малакса; от разумеющих толкуется: мерзкий знак идола рукой слагая, на чело его возлагают. Да будут они прокляты со своим мудрованием развращенным, тот — так, другой — иначе, сами между собой несогласны, враги креста Христова!

Мы же держим святых отцов учение, Мелетия и прочих,

228. Речь идет о так называемом именованном сложении перстов для иерейского благословения, которое по примеру греческой церкви стало употреблять русское духовенство, принявшее реформу Никона; в Никоновой «Скрижали» этому учила специальная статья «О знаменовании соединяемых перстов руки священника...», приписанная здесь некоему Николаю Малаксе, протопопу Навплийскому.

229. Аввакум имеет в виду Поучения св. Ипполита и Ефрема Сирина об антихристе, в которых толковались слова Апокалипсиса (Откр. 13:16) о «зверинем начертании» — печати, полагаемой антихристом на десную руку и на чело людям.

неизменно. Как знаменуемся пятью перстами, так и благословляем пятью перстами, во (имя) Христа и святой Троицы их слагая по-вышесказанному, как святые завещали. И поместный собор, бывший в Москве при царе Иване,^{230*} также повелевает персты слагать, как Феодорит, и Мелетий, и Петр, и Максим Грек научили:^{231*} пятью перстами креститься и благословлять. Там на соборе были знаменосцы Гурий и Варсонофий и Филипп, русские чудотворцы.^{232*}

И ты, правоверный, без сомнения держи предание святых отцов, Бог тебя благословит, умри за это, и я с тобою должен. Станем добре, не предадим благоверия, не по что нам ходить в Персиду мучиться, — дома Вавилон нажили! Слава за то Христу, Сыну Божию, со Отцом и со Святым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Ну, старец, моего вяканья много ведь ты слышал. Именем Господним повелеваю тебе, напиши и ты рабу-тому Христову, как Богородица беса-того в руках-тех мяла и тебе отдала; и как муравьи-те тебя за тайный-то член ели; и как бес-от дрова-те сжег, и как келья-та обгорела, а в ней все цело; и как ты кричал на небо-то; да и иное, что помнишь.

Слушай же, что говорю! Не станешь писать, так я осер-

230. Стоглавый собор 1551 г. См. примеч. 163*.

231. См. примеч. 162*.

232. См. примеч. 164, 165*.

жусь: у меня любил слушать, чего стыдиться! Скажи же хоть немножко. Апостолы Павел и Варнава на соборе сказывали же в Иеросалиме пред всеми, *какие сотворил Бог знамения и чудеса во языцех над ними*, — в Деяниях зачало 36.^{233*} И 42 зачало: *И величашеся имя Господа Иисуса; мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя.*^{234*} Да и много того найдется в Апостоле и в Деяниях. Сказывай, не бойся, лишь совесть чистой держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтущи; а мы за чтущих и слушающих станем Бога молить. Как умрем, так они помянут нас, а мы там их помянем. Наши они люди будут там, у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

233. См. Деян. 15:12 (зачало 36). Аввакум здесь ссылается на литургическую систему деления текста богослужебного Апостола на зачала, фрагменты, предназначенные для чтения за богослужением в определенные дни церковного года.

234. Деян. 19:17–18 (зачало 42).

Якоже
присланихъ понуже
бысть житіе свое кати
сати, и нопю етиѣніемъ;
понеже оуѣ ему дѣиной
и нопю, да не забвѣнію пре
даню будѣ абло бжїе; ісе
то ра понуже быти
оуѣ аѣи чѣ, на ма
пухъ, бѣ.